

ПРОКЛЯТЫЙ
Lana Meijer

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Лана Мейер

Проклятый

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40645777

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-5320-9768-1

Аннотация

Меня похитили. Я не помню ни своего происхождения, ни родителей, ни того, кем являюсь на самом деле. Остаться здесь – всё равно, что жить в плену у настоящего дьявола. Он – тот, кто не знает пощады. Но... Участь других пленниц меня не постигла, и я оказалась зачем-то нужна жестокому принцу. Я стала важным элементом в его бесконечных играх, наполненных тьмой и искушением. Я хочу сбежать. Но он не позволит. И никогда не отпустит. История в духе "Красавица и Чудовище". Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	4
Брэндан	5
Кенна	13
Кенна	27
Кенна	57
Кенна	71
Кенна	79
Кенна	102
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Пролог

*Весь мир не в силах сокрушить нас, и только сами мы
изнутри разрушаем себя.(с)*

Маргарет Митчелл. Унесённые ветром

Брэндан

Это все просто кошмарный сон.

Я с силой сжимаю веки в надежде на то, что, когда распахну их вновь, время повернется вспять, и все будет так, как и должно быть.

Как было почти восемнадцать лет, до этого дня.

Все, чему меня учили, все, к чему готовили... Теперь казалось ехидной усмешкой судьбы, миражом какой-то другой жизни, которая больше мне не принадлежала.

Еще вчера я был гордостью. Я был не просто именем. Я был всем для сотен и тысяч людей, которые превозносили меня и в чертах моего лица видели надежду.

Это чувство дарил людям не только я, но и мой брат.

Но в данную секунду мои виски царапала рыхлая земля, на которой я лежал. Именно сейчас я слышал душераздирающий гомон из криков толпы, жаждущей расправы надо мной.

Над своим королем. Над предателем.

Но хуже всего ощущалась невероятная боль, которая окутала всю спину – от самого начала позвонков, до затылка. Агония была дикой – будто мою кожу распороли и воткнули в нутро с дюжину кинжалов. Так глубоко, что металл бы полностью скрылся, оставляя на свету лишь рукоятки, расписанные фамильным гербом.

Я знал, что сколько бы толпа не просила, ударов больше не будет. Пройдет минута, и меня поднимут с земли, закинут в машину, в которой я буду истекать кровью. Я сомневаюсь даже в том, что *там* мне окажут какую-либо помощь.

От этих мыслей вдруг захотелось всхлипнуть, но я немедленно укорил себя за собственную слабость.

Я не такой. Меня не этому учили всю жизнь. Слово "слабый" с рождения отсутствовало в моем словаре.

Во главе моего словарного запаса стояли такие слова как: "Честь. Мужество. Гордость."

На всех пяти языках, которые я знал.

Внезапно, обучение показалось мне такой нелепостью. Какое теперь значение имеют мои знания? Многочисленные языки, музыка, боевые искусства, в которых мне не было равных?

Никакого. Я еще не осознал того, что теперь до конца жизни меня ждут лишь тьма и клеймо предателя. Ну, и, конечно, холод и одиночество в подземельной камере Адинбурга.

Я знал, что прошла всего минута после последнего удара, но, погрязнув в своих собственных размышлениях, ощутил ее как целую вечность.

Боль была настолько сильна, что я уже не пытался встать. Я помню, чем это закончилось в последний раз, и не настолько глуп, чтобы рисковать снова.

– Убить его! Убей его! Смерть лжепринцу! Смерть грязному предателю и убийце! За Бастиана!

За Бастиана. За Бастиана. За Бастиана.

Пространство площади наполнилось вскриками, восхваляющим моего брата.

При мысли о Бастиане мое сердце сжалось от другой боли, которая была гораздо сильнее чем та, что причиняли физически.

Эта боль была глубже – она задевала каждый нейрон моего мозга и перетекала прямо в сердце, заполняя его темнотой.

Я не хотел, чтобы все так вышло.

Мама, Отец, Меридиана. Никто из нас не заслужил смерти.

Этот народ, который сейчас ненавидит меня, не заслужил беспорядков и боли, которые их ждут во власти Парламента.

Семья.

То слово, которое еще совсем недавно имело самое главное значение в моей жизни, вдруг утратило всякий смысл.

Я позволил скупой слезе скатиться по своей щеке, когда окончательно осознал то, что никто из них не выжил. Может быть, только Мэри. *Они же не посмели бы убить ребенка...?*

Еще как посмели бы. Они бы перерезали ей горло в два счета, если бы хоть на миг увидели ее невинное детское личико.

Перед глазами замелькала Мэри – по пухлым щекам стекают горячие слезы; нож, представленный к ее шее, породил на свет небольшие капли крови, вытекающие из вен...

Всего одно движение. На каждом из нас. И весь остаток

нашего рода навсегда истреблен и погружен в подземелья.

Нет. Ее наверняка оставили, для того чтобы бы она служила фарфоровой куклой для всего народа. Игрушкой, которая бы напоминала о том, что в этой стране когда-то существовали Виндзоры.

Ее будут выставлять на телевидении, водить по светским сборищам и одевать в красивые платья. Шептаться за ее спиной и показывать пальцем в затылок, заклиная:

"...Посмотрите. Это все, что осталось от королевской крови. Она – последняя."

А потом, когда она достигнет детородного возраста, убьют и ее. Чтобы она не родила на свет нового наследника.

– Щенок, – грубый голос и стальная хватка на моем плече вывели меня из состояния бессознательного бреда и копания в собственных воспоминаниях и мыслях, – ну, как тебе, понравилось, лжецарский ублюдок?!

Мерзкий запах дыхания палача вызвал во мне приступ рвоты. Его касания были отвратительны. Никто и никогда не прикасался к нам. Не говоря уже о такой бесцеремонности и неуважении к собственному правителю.

Мужчина, обезображенный железной маской, которая полностью скрывала его лицо, не могла утаить красноту в его бездушных глазах. Еще неделю назад я мог отдать приказ, который навсегда бы отделил его голову от тела.

– Я убью тебя, – прошипел я сквозь сжатые зубы. – Никто не смеет так разговаривать со мной. Никто не смеет так

обращаться... *С королем*, – последнее слово едва вырвалось из моих легких. В данной обстановке протеста мой писк о собственной крови выглядел теперь бессмысленным.

И палача это только позабавило.

– *Король*, – вслух фыркнул он, давая мне подзатыльник. Толпа одобрительно загудела, мечтая о том, чтобы шоу продолжилось. Я же нашел в себе силы открыть глаза шире и посмотреть в лица этих потерянных, заблудших душ, которые оказались пешками в руках нашего государства.

Я бы хотел их ненавидеть.

Хотел ненавидеть за то, что восемнадцать лет они улыбались мне и восхваляли меня, а теперь с такой страстью требовали моего позора. Они желали, чтобы палач убил меня.

Но я чувствовал только любовь. Безграничную любовь к своему народу.

Именно этому меня учила мать.

Это все, что у меня осталось от моей семьи, – знания. Моральные принципы, которые живут во мне и просятся наружу.

Они хотят уничтожить их во мне. Все до единого. В глубине души я понимал, что лучше умереть, чем отправиться в Адинбург.

И именно поэтому они приготовили мне именно такую участь. Навсегда окрестили клеймом позора, заковали в цепи и отправили в Чистилище.

– С этого дня ты – жалкий червяк, отмеченный ненави-

стью всего народа. Ты заслужил это, – тихо прошептал мне на ухо палач, в который раз одаривая меня своим мерзким запахом. Под четкие и громкие удары барабана он вел меня к машине, держа за волосы на макушке.

Люди кричали.

Они ненавидели меня.

Мои босые ноги врезались в камни на земле, но, вместо того чтобы завывать от боли, которая разрывала мою душу, я собрал все свои последние силы и высоко поднял подбородок.

Мои плечи автоматически расправились, в легкие поступили долгожданные волны кислорода, которым я в последний раз наслаждался с такой жадностью.

Солнце выглянуло после дождя – всего лишь на мгновение. Оно прощалось со мной. В темнице оно вряд ли будет меня радовать. Оно и так частенько обходит эту часть света стороной.

Недовольный шепот сообщал мне о том, что люди были не удовлетворены. Они не хотели, чтобы я вел себя так, как и прежде. Как будто до сих пор был наследником.

Я им не *был*.

Я и *есть* наследник.

Я окинул всех, кого мог, таким взглядом, который не оставлял им никаких сомнений в этом.

– Ты не смеешь вести себя так, червяк. Ты – не Бастиан, – проревел палач, и толпа повторила его речь за ним. В следу-

ющую секунду я почувствовал, как он пнул меня к колесам машины, и я вновь упал, держа руки за своей спиной – у меня не было другого выбора. Мои запястья оставались закованы в железные цепи весом в несколько тонн.

– Я уничтожу тебя, – выплевываю я, проклиная его и всех их своим обещанием. – Я вернусь. И я заставлю вас всех расплатиться за то, что вы сделали со мной... С моей семьей... С Мэри... – Мой голос сорвался, когда я вспомнил ее ласковый смех. – С Бастианом.

Палач отвесил мне резкую пощечину, которая могла бы снести мне голову.

– Ты не смеешь произносить имя Короля.

Я зарычал, немедленно вставая с колен. Я не мог... Я должен оставаться сильным. Я должен донести до всех правду.

В которой сам толком не мог разобраться.

Бастиан умер сегодня.

– Король – здесь я, – уже тише, будто себе под нос, прошептал я, и это были последние слова, которые сорвались с моих губ. К палачу подоспели люди в форме – офицеры Адинбурга. Острая игла разрежала мою кожу, как нож расплавленное масло. Наркотическое вещество опьянило меня, забирая всю физическую боль без остатка.

Моя спина не болела.

Погибала душа, которая оплакивала восемнадцать лет моей жизни.

Счастливой жизни.

Падая на пол железной клетки, я слышал, как закрывается дверца машины, и понимал только одно:

Прежнего меня больше нет. Впереди меня не ждет ничего кроме мрака, вечной боли и скитаний обезчеловеченной души.

Глава 1

Кенна

Они забрали меня на рассвете.

Моя ночная рубашка, что была на теле в момент их прихода, почти единственное, что у меня осталось.

Я не знаю, сколько прошло часов или дней, но могу сказать с уверенностью, что к месту назначения мы прибыли в темное время суток.

Едва ли я что-то видела в кромешной тьме. Мне было не до того, чтобы разглядывать живописные ночные пейзажи. Все мои силы уходили на то, чтобы орать в тряпку, затыкающую мой рот, и сопротивляться сильным мужским рукам, которые намертво схватили меня за плечи.

Я не знаю, сколько мужчин было точно. Может, пять или семь. И все они говорили о какой-то миссии, за которую получают неплохое вознаграждение и похвалу "его высочества" – как они выразились.

– Может, поиграем с ней, прежде чем кинем в гадюшник? – меня внесли через темную дверь, за которой забрезжил слабенький свет. В мгновение ока я оказалась в узком помещении из кирпичных стен, покрытых плесенью. Обстановка тут же напомнила мне средневековую тюрьму, и лишь современные лампы, украшающие обугленные и грязные стены, говорили о том, что я не переместилась во времени. Что я – это до сих пор я. И нахожусь в нашей реально-

сти – в вполне себе современном мире, который, в последнее время, едва ли можно назвать "миром".

Это, скорее, "земля", состоящая из войны, разрушений и боли, от которой я была изолирована много лет.

Я почти ничего не знала о том, кем на самом деле являюсь.

Жизнь в дали от общества защитила меня от внешнего мира и дала награду – забвение, спокойное существование без боли.

Я знала, что люди в моей стране, как и в других странах Европы, страдают. Солдаты уходят и не возвращаются.

Жены плачут.

Дети остаются без отцов и матерей, погибающих от голода.

Все мы находимся под гнетом страны, которая не дает другим странам Европы существовать в мире и согласии.

– Я бы с удовольствием. Она слишком хорошенькая, чтобы прозябать здесь просто так, ты так не думаешь? – чья-то ладонь опустилась на мою грудь и грубо сжала ее. Взглянув на обидчика, я вновь заверещала в тряпку, мечтая прогрызть ее, а затем вцепиться в его паршивое горло.

– Какие сиськи, – злорадно заметил второй ублюдок, запомнившийся мне золотыми зубами, которые украшали его отвратительную улыбку.

– Убери свои руки, дай мне полапать эту лесную нимфу, что так удачно попала в наш капкан. – Из моих глаз брызнули слезы унижения, когда я вновь почувствовала их при-

косновения к своей заледеневшей от ночного воздуха коже.

– Детка замерзла. Мы быстро согреем ее, не так ли? – гогот одного из этих выроdkов разбивал мои надежды на спасение одну за другой. Я могла только скрестить ноги посильнее и напрячься всем телом – создать своеобразный невидимый кокон, который едва ли защитит меня от их мерзких и вонючих лап.

Но я могла хотя бы попытаться.

– Нмм, нмм! Нмм! Ммм! – Из моих губ вырвались только эти нелепые звуки, когда я закричала и попыталась сказать: "Отвалите от меня, выроdkи!".

– Она еще и сладко постанывает, вы только посмотрите. Знаешь, сколько мы таких, как ты, поймали, красавица? И сколько из них мы поимели? – мерзость его шепота была сравнима разве что со скольжением змеи по лесной чаще. Все внутри меня сжалось в комок, когда я окончательно осознала, что попалась.

Я абсолютно одна.

В дали от места, которое, как никак, но могла назвать домом.

В дали от человека, который был моим другом и мог бы меня защитить.

– Не рыпайся, детка. Все будет максимально быстро, – еще один шепот одолел меня сзади. За этим злорадным шипением послышался звук разрывающейся ткани.

Нет. Только не это.

Подол моей ночной рубашки был разорван – холод коснулся моих бедер так же, как и шершавые ладони, обхватившие их.

– Нмммммммммммммммммммм! – крик отчаянья разорвал мою грудь, и я привела в действие все свое существо: двигала руками и ногами без остановки, понимая, что это только отвлечет их на время, но не остановит этих мразей, присвоивших меня, как собственность.

– Черт, наша нимфочка сухая, – злобно заметил один из них, проводя пальцем меж моих ног. Меня передернуло от отвращения и унижения, когда я осознала действие, которое он только что совершил.

И это были только цветочки.

Для этих мужчин я была никем. Куском плоти, которому было предназначено удовлетворить их потребность.

Но я чувствовала, так же, что и они здесь никто.

Есть что-то, для чего меня они сюда притащили. В это место, о котором я ничегошеньки не знаю.

В место, которое я даже толком не видела.

Шестое чувство мне подсказывало, что это очень-очень далеко от дома. Здесь холоднее, и есть ветер, который буквально перебирает и обволакивает каждую твою косточку.

За пределами узкого коридора, в котором я находилась, шел дождь. Даже не так: то был сильный ливень, еще раз напомнимший мне о жуткой погоде в этом месте.

В моей местности никогда таких не бывало. По большей

части, я наслаждалась солнцем и лазурной водой, ласкающей мои босые ноги. Я жила на берегу моря с прекрасным видом на линию бескрайнего горизонта, за которой пропадали корабли.

Это бы звучало красиво, если бы я не знала о том, что эти корабли отправлялись проливать кровь. За страны, которых скоро не станет.

Это все меня не касалось. До этого дня.

– Сгорите в аду, твари! – мне чудом удалось ослабить на себе тряпку и закричать так сильно, что мой голос эхом отозвался от тесных стен и низких потолков.

– Молчать, потаскуха! – приказал золотозубый, отчаянно натирая меня между ног – я напряглась так, что вены на моей коже вздулись. Я не хотела этого чувствовать.

Не хотела после вспоминать об этом, купаясь в своем позоре.

– Фригидная ты, тварь, – приговаривал он, заставляя меня рыдать еще сильнее. Если бы в моем желудке был бы хоть грамм переваренной пищи, он бы давно вылетел наружу. Но я могла только плевать и захлебываться слезами.

– Мы все равно возьмем тебя. Если придется – извлекаем в дожде. Нимфа... – Звук растёгивающейся ширинки заставил меня заверещать так, будто меня режут.

Меня и вправду резали.

Эти ублюдки медленно разрезали меня на кусочки и посмеивались во время этого процесса.

– Что здесь происходит? Гилберт, ты опять за свое?! Ты же... Вы совсем страх потеряли?! Отпустите ее немедленно! Делайте то, что **ОН** вам приказал. Ваша задача – доставлять девушек в подземелье. Они не для вашего пользования. Кучка недисциплинированных отбросов, которыми нам приходится довольствоваться, пока лучшие служащие на границе. – Спасительная речь прозвучала для меня как музыка. Я не могла поверить в то, что голос, произносивший это, был реален.

Но, спустя мгновения, хватка на мне тут же ослабла. Меня поставили на ноги и повели вглубь по коридору – уже не прикасаясь ко мне похотливо или жадно. Они вели себя как солдаты, выполняющие непреложный приказ.

Чей?!

– Есть, сэр. Я прошу лишь о том, чтобы это осталось между нами, сэр. Такого больше не повторится...

– Это **УЖЕ** повторилось. Это не останется между нами. И, на вашем месте, я бы не стал рассчитывать на помилование. Он не знает пощады. Только не говорите, что забыли об этом...

Он не знает пощады.

Эти слова были сказаны таким тоном, что, на какую-то долю секунды, показались мне хуже группового изнасилования.

– Черт бы тебя подрал, – фыркнул один из моих обидчиков, толкая меня вперед. Постоянно вперед и вперед. Теперь

я молчала, нацепив на свое лицо маску равнодушия.

Гордо задрав голову, я шла вперед, не собираясь больше показывать им своего отчаяния.

Своего страха.

– Добро пожаловать в новый дом, – с злорадной усмешкой сообщил новый для меня голос. На лице его обладателя отразилось искреннее удовольствие, от которого меня передернуло. Еще никогда в своей жизни я не соприкасалась с таким садизмом и неприкрытой человеческой жестокостью.

Да, я знала, что в странах царит война. Но была так далека от этого всего.

Живя на ферме в ужасных условиях, я иногда задумывалась о том, насколько скучна и однотонна моя жизнь. Но также понимала, что многие из тех, кто страдают от постоянных митингов, революций и массовых убийств, мечтают о моих будничных проблемах: вечная скука, постоянный гнет сверстников и бесконечная уборка дома и фермы.

Несмотря на обыденность своих будней... То, что происходит сейчас, – явно не то приключение, о котором я мечтала всю жизнь. В конце концов, я встретила Гаспара. И он был моим главным приключением.

Мои зубы непроизвольно врезались в нижнюю губу при воспоминании об обещании, которое он мне дал:

Я буду защищать тебя, где бы ты ни была.

И где он сейчас? Готова поспорить, он даже не знает о месте, в котором я нахожусь. Я и сама не понимаю, где я.

Тюрьма? Подземный тоннель? И кто такой «он»?

Мне чертовски необходимо знать ответы на все мои вопросы, и если эти ублюдки думают, что я буду молчать, то они ошибаются.

– Какой еще дом? Что это за место? – Мы прошли дальше, углубляясь в самую чашу

темных коридоров. На миг мне показалось, что я услышала истошный женский крик, и оцепенела.

Улыбки на лицах моих сопровождающих стали только шире.

– Какая-нибудь сумасшедшая. Или сопротивляется, – подметил один из них, недвусмысленно

посмотрев на разорванный подол моей рубашки. – Надеюсь, ты не будешь сопротивляться?

– Роб, ты же слышал, что сказал Джейс. Он все *ему* расскажет. Не думаю, что *он* обрадуется...

– Это не его собственность! Это даже не его люди! И ему плевать на этих потасканных девок. Они не для этого здесь. – Я уже жалела о том, что вообще могу слышать этот разговор. Каждое слово, слетавшее с губ этих ублюдков, оставляло за собой вопросы, оставшиеся без надежды на ответы.

– Я так не думаю. От хорошеньких никто не откажется. Эта – хорошенькая, – ласково промурлыкал Золотозубый, вновь толкая меня вперед. Его рука скользнула по моей щеке, оставляя после себя неприятный осадок на коже.

– Тогда будет даже лучше, если мы подготовим ее к худ-

шему, – крики, едва различимые в коридоре, становились громче.

Я не слышала слов, которые произносили девушки. Но точно знала, что некоторые из них не понимаю вовсе – это были слова, сказанные на другом языке.

– Пришли, – один из мужчин в темной форме открыл передо мной старую деревянную дверь с небольшим окном в виде решетки. Чьи-то руки толкнули меня под лопатки, и я оказалась внутри безобразной пещеры. Буквально в сантиметре от ног пробежала крыса, и я подавила крик ужаса, сковавший мои легкие.

Это не может быть правдой.

– Пойдем. Оставляем ее здесь и уходим, – приказал другим один из них. Меня вновь толкнули вперед, почти сбивая с ног. Сжимая зубы, я старалась не произносить больше ни звука.

Я просто мечтала о том, чтобы они ушли. Исчезли. Я лучше буду ночевать с крысами, голодать, не понимать, что происходит, чем выдержу хоть еще одно прикосновение этих ужасных людей.

– Не так быстро, – золотозубый все никак не мог оставить меня в покое, облизываясь, как голодная собака. – Джейса здесь нет. Вы меня прикроете. Я хочу ее.

– Давай, только быстро, – к своему шоку услышала я, немедленно пробежав в самый дальний угол темницы.

– Вы не тронете меня! Не тронете! – закричала я, хватаясь

пальцами за сырые стены. Я поразилась тому, что даже не плакала – страх заглушал все мои эмоции, придавая дикости и сил бороться с этим червем, которого язык не поворачивался назвать человеком.

– Ох, тебя здесь никто не услышит. Я просто хочу тебя подпортить, для твоего же блага. Тебе будет лучше, если ты будешь хуже, чем есть сейчас. Тогда он даже не заметит тебя. Ты затеряешься в толпе. И будешь жить, – с каждым словом он приближался ко мне все ближе и ближе, а я хотела провалиться в стену, которая никак не хотела расходиться за моей спиной.

– Кто такой «он»? Где я нахожусь?! Я хочу знать это! Кто вы, черт возьми, такие?! – Внезапная мысль поразила меня с такой силой, что тут же слетела с губ: – Вы взяли меня в плен?

– А ты сообразительная. Во Франции у вас все такие умницы и красавицы? – пробормотал он вновь, зажимая меня в углу. Только после того, как он произнес эту фразу, я поняла, что он говорил на Французском с акцентом.

Нет, нет... Я действительно далеко от дома.

Холод, туман, ветер, которые высасывали из меня всю душу...

– Я... В Англии? – жалобно пискнула я, перед тем как почувствовать его руки повсюду на своем теле. Они ощущались как щупальца. Как укусы пчел, атакующих одним разом.

– Ммм. Это неважно. Тебе нужно заткнуться, нимфа. И

немного помочь мне... – Тут мужчина облизал свою ладонь, оставляя на пальцах влажный след. Его рука потянулась к моим ногам, задевая внутреннюю поверхность бедер.

Отчаянный крик пронзил мое горло, но обидчик не дал мне пошевелиться.

Я не привыкла... Защищаться. Мне никогда и ничего не угрожало.

А теперь его пальцы стремительно пробирались к самому интимному месту на моем теле, и все внутри меня протестовало, отталкивало его и молило о спасении.

Гаспар врал со своим наглым обещанием защищать меня. Они все мне лгали...

Собственная жизнь посмеялась надо мной дважды: первый раз – это когда я потеряла память, будучи маленькой. Я просто проснулась недалеко от фермы – там, где теперь и жила. Решив, что я откуда-то неподалеку, моих родителей пытались найти в соседней деревушке, но так и не обнаружили. Так я и осталась жить там – с людьми, которые обращались со мной как со служанкой. Так они обращались со всеми детьми, которые проживали на ферме – приемными детьми.

Второй раз – сейчас. Приключения, о которых я мечтала, читала в книгах или воображала себе по вечерам, провожая закаты. Я мечтала о них даже после того, как в моей жизни появился Гаспар – гвардеец Франции. Высокий, мужественный и невероятно красивый. По описанию он идеально под-

ходил на мужчину, которого я так долго ждала, и все же... Внешности и красивых речей мне оказалось мало.

Мне было мало его заботы и взгляда, который всем своим видом кричал о том, что парень любит меня больше всего на свете.

Мне нужно было нечто большее. Какой-то знак свыше, и эта немая дрожь от сердца, переходящая во все тело.

– Гас... – тихо прошептала я, думая только о том, как уютно было в его объятиях. Я не была девственницей. Но быть использованной этим выродком?! Или каким—либо другим... Ни за что.

– Кто это? Твой дружок, красавица? Я буду гораздо лучше него...

Я приготовилась к атаке его пальцев, рук и губ на моем теле. Мне нужно защищаться... Мне нужно...

– Что я тебе сказал?! – Рев раздался позади Золотозубого. Немедля ни секунды, мужчина, которого я уже раньше видела в коридоре, спас меня от издевательств насильника. Я даже не встретила с ним взглядами – казалось, я не вызываю у него ни капли интереса. Его больше заботил этот подонок и то, что он ослушался чьего-то приказа.

– Ты сгниешь в Адинбурге за то, что ослушался дважды, – просто сказал он, доставая из-за полов своего костюма наручники.

– Нет! НЕТ! Нет... Простите, сэр... Это была ошибка... Всего лишь один раз... ОН простит меня! Простит! – шептал

Золотозубый, пока я пыталась отдышаться. Наблюдать за его жалкой мольбой было одно удовольствие.

Я даже не поверила в то, что могу так упиваться чьим—то несчастьем. Но после того, что они все со мной сделали, я хотела, чтобы они все отправились в Адинбург. Пускай, я не имела понятия о том, что значит это слово. Судя по тону голоса главного, это очень—очень нехорошее место. Тюрьма...?

Но если я нахожусь в этой ужасной тюрьме, неужели есть что-то еще хуже?

— *Он не знает пощады,* — снова повторил Джейс, хватая Золотозубого. Эффектно ударив его по голове, он вывел мужчину из моей коморки, захлопнув за собой дверь.

Звук закрывающегося замка расколол мое сердце на части.

Я ринулась к окошку, отчаянно хватаясь за холодные ржавые решетки.

— Нет, — только и слетело с моих губ. Я все еще не понимала, почему во мне нет ни слезинки. На крики не хватало никаких сил.

Со стороны выглядело так, будто я очень хорошо переживаю свое похищение. Я не выглядела раздавленной, напуганной, умоляющей о спасении жертвой.

Но только потому, что внутри была настолько сломлена, что у меня не оставалось сил что-либо делать.

И я была сломлена уже очень давно.

Они просто меня... Добили.

Глава 2

Кенна

Дни тянулись очень медленно, превращаясь в целую вечность. Меня развлекали лишь звуки одиноких капель воды, спадающих на пол с сырого потолка. К изредка пробежавшим у моих ног крысам я привыкла, а вот к солнцу, что иногда стучалось в небольшое окошко над моей головой, нет.

Никогда не думала, что можно скучать по солнцу. По свежему воздуху и влажной траве, по которой я так любила бегать босиком.

Редкие, едва-заметные лучики издевались надо мной, будто намекая на то, что я где-то близко к поверхности. Свобода совсем рядом, и до нее, казалось бы, можно дотянуться рукой... Но нет.

Все мои попытки выяснить где я, и зачем здесь были безуспешны.

Со мной обращались как со скотиной, которую растили на убой... Три раза в день мне приносили огромную тарелку непонятного содержимого и стакан воды.

И каждый раз я делала то, что должна была.

– Ешь, – это был один из людей в черной форме – его я не заметила во время похищения.

Отличительные знаки на форме этих людей помогли мне догадаться о том, что они были чем-то вроде армии или полиции. Или, на крайний случай, сектантами. Кто знает, чем

они тут занимаются, если поклоняются тому, кто «не знает пощады» и коллекционируют молодых девушек, лишая их семьи, теплого дома и нормальной жизни.

Правда была в том, что у меня никогда не было нормальной жизни. Я вообще не знала, кем являюсь на самом деле. Мою жизнь придумали за меня, и не было ни единой ниточки, которая связывала бы меня с прошлым...

– Я сказал: ешь, – снова приказал мне молодой человек с пустым выражением лица – то было лицо солдата, безоговорочно выполняющего приказы своего правителя.

Я подняла глаза на своего собеседника и, поправив рукой спутанные невымытые волосы, резко выдохнула:

– Я не собираюсь есть из этой грязной миски. В этом мерзком подzemелье.

– Ты умрешь, если не будешь есть. Или хотя бы пить, – офицер буквально ткнул меня носом в блюдо. Резкий запах переваренного гороха с рыбой вызвал во мне лишь отвращение, как и все вокруг.

Первые дни я действительно хотела есть. Теперь же, привыкнув к голоду, хотела лишь одного – воды.

– Разве вы не этого добиваетесь? – огрызнулась я, ударив рукой по тарелке. Ее содержимое тут же растеклось у наших ног, и офицер, чье лицо усыпано мелкими царапинами, был явно недоволен моим поведением.

– Видимо, к тебе нужно послать Гилберта. Может, его ласка поможет тебе поесть... Или, хотя бы, попить воды.

– Какое тебе дело до моего приема пищи?! – снова огрызнулась я, пиная босыми ногами тарелку.

Прокатившись, она с шумом ударилась о стену – мое беспардонное поведение бесило офицера все больше и больше.

– Ты нужна нам живой. Ему – живой. Он не убивает просто так... Хотя, я сомневаюсь в том, что именно ты ему годишься. – Ответы, которые давали мне эти люди, не приносили мне облегчения.

Наоборот – с каждым разом я осознавала: я здесь навсегда.

Не на пару дней, как я предполагала, а на всю жизнь. Меня похитили... Возможно, чтобы проводить жуткие эксперименты или что-то гораздо хуже.

Даже когда я поняла это, мне все равно удавалось сохранить лицо – железную маску, которую я с гордостью носила.

Никаких слез и криков, которые постоянно слышались в отдалённых частях коридора.

Я не собиралась забиваться в угол и давить на их жалость – я буду бороться за освобождение и свою жизнь любимыми методами, которые только придут в мою голову.

Офицер ушел, забрав с собой воду и напоследок бросив: «Либо ты пьешь и ешь при мне, либо не пьешь вообще».

– Катись к черту, – выругалась я, вцепившись в собственные волосы.

Единственная роскошь, которую я могла себе позволить, – это сон. Хм... И туалет, который здесь был предусмотрен,

но мало напоминал даже наш жуткий туалет на ферме без всяких удобств. Что ж, спасибо и на этом.

Меня не мучали страшные сны, каждая прожитая минута превратилась в один сплошной и нереальный кошмар.

Уже через несколько дней я осталась совершенно без сил. Вода была мне необходима.

Оглянувшись по сторонам, я убедилась, что никого нет и встала под тем местом, где вода протекала через потолок, и просто открыла рот.

Редкие, но свежие капли чистой воды скатились по моим губам, одаривая восхитительным чувством.

Это был первый раз, когда моя нижняя губа задрожала за несколько секунд до слез, которые мне удалось сдержать глубоко внутри.

Гордость. Это все, что у меня здесь осталось.

Слабость была настолько сильна, что через какое-то время я вообще перестала двигаться. Перестала задавать вопросы. Я просто сидела в углу своей пещеры, в провонявшей и прогнившей от сырости сорочке.

Мне было стыдно смотреть на собственную кожу – даже присматриваться не приходилось для того, чтобы обнаружить на себе скатавшиеся комки грязи и пота.

Я была отвратительна.

Так и погибну здесь.

Гас бы, наверное, даже не посмотрел в мою сторону, если бы увидел в таком состоянии.

Я вздрогнула, когда дверь резко распахнулась. На пороге я с ужасом обнаружила своего старого знакомого – Золотозубого.

Моего личного палача. Внезапно мне захотелось есть и пить – я бы с радостью приняла из рук того офицера что угодно, лишь бы вновь не видеть эту страшную рожу.

Очевидно, Джейсон не применил серьезных мер по устранению этого мужчины. Или этот загадочный «он» все же пощадил его.

Я заранее возненавидела главаря этой секты.

– Моя упрямая нимфа. Плохо выглядишь, – подметил Золотозубый, поставив ведро на пол рядом со мной. В его руках я заметила полотенце и мочалку. Тут даже моя гордость надломилась – я хотела этой воды, хотела помыться. Я хотела снова хоть на день почувствовать себя человеком.

Каждая клеточка на моем теле зачесалась от предвкушения – я собиралась принять эту возможность.

Для того чтобы держаться дальше, мне нужны хоть какие-то силы.

Я молча посмотрела на Золотозубого – куда-то сквозь него, стараясь придать своему лицу Равнодушие.

– Говорят, ты не ешь. Не пьешь. Не моешься, – заключил он, наслаждаясь своей небогатой речью. – Я пришел в надежде застать тебя здесь – страшную, неумытую и одинокую. Сломленную. Но даже сейчас я не перестаю желать тебя.

Его пальцы коснулись моей щеки, и я сцепила зубы, что-

бы не завизжать. Каждая секунда нашего соприкосновения отбирала у меня силы.

Теперь я стала в миллионы раз грязнее – и все это после его легкого касания.

Даже ванная не спасет меня от стыда, позора и его грязных лап. Тем не менее, она была мне необходима.

– Я помоюсь. Я готова принять ваш дар. Но только его, – посмотрев на него будто свысока, я вскинула бровь, заметив секундное замешательство на его лице.

Я не знаю, чего он ожидал, но явно не такой реакции. Наверное, он уже рисовал в мыслях картинку о том, что я слишком слаба, чтобы бороться с ним. Рассчитывал на то, что я лежу здесь и поджидаю его с раздвинутыми ногами...

Черт возьми, мне не передать словами, насколько мысль об этом омерзительна!

– Ты весьма странно себя ведешь для пленницы. Смеешь заявлять о своих правах, которых у тебя нет.

Отказываешься от еды и воды. Что ж... Раз ты уже приняла этот дар, я должен сообщить тебе о том, что к нему идет и второй подарок: мыть тебя буду я, красавица.

С этими словами он опустил передо мной и намочил мочалку, набрав в нее побольше воды.

Я хотела сказать что-то в знак протеста и своей защиты, но не успела.

На мою щеку опустился удар, а затем новый удар. Грубая мужская ладонь давала мне пощечину за пощечиной – Золо-

тозубый не мог остановиться, упиваясь картиной того, как моя голова раскачивается из стороны в сторону, а разум не имеет возможности прийти в себя.

– Держи, потаскушка. Я сейчас тебя хорошенько помою. Упрямая красотка, возомнившая о себе невесть что, – из кармана он достал наручники и сцепил мои руки за спиной, в то время как я отходила от его беспощадных ударов.

Давай, Кенна. Кричи. Проси о помощи. Заплачь, в конце концов.

Но я так и не сделала ничего из этого списка.

Вместо этого я набрала в грудь побольше воздуха и выдавила:

– Ты еще пожалеешь об этом, червяк. Если еще хоть пальцем меня тронешь...

– Что ты можешь сделать, пленница? – чертыхнулся он, раздвигая мои ноги.

А потом он начал делать это – водить мочалкой и руками по всему моему телу. Я возвела глаза к потолку и думала только о том, что лучше бы искупалась в реке полной змей, чем находилась здесь.

Слезы стекали где-то внутри – по изнанке моих щек; застревали в обожжённой шок и невысказанными словами гортани; оседали в пустой, лишенной надежд груди; и оставались там, погибая, исчезая, угасая. Мои последние частички света.

Последние признаки того, что я могла хоть что-то чув-

ствовать. Когда-то давно.

Гас всегда обращался со мной нежно, как с фарфоровой куколкой. Иногда меня напрягала его излишняя бережность и равномерность. Я сама не знала почему – просто он слишком сильно проявлял свои чувства.

Все эти его слова, которые мужчины обычно не произносят.

Потоки обещаний, которые не дают.

Ты обещал мне, Гас. Обещал, черт возьми, защищать меня. Тебе не стоило давать обещаний, которые ты не можешь сдержать. Воспоминания о Гасе помогали мне уйти в себя, забыться. Отстраниться от касаний Золотозубого Солдата, который в который раз ослушался чьего-то приказа, приставая ко мне.

Он тщетно пытался проникнуть в меня пальцами, но я не отпускала свое тело ни на секунду: каждая частичка меня была натянута, словно пружина.

– Только не говори мне, что ты девственница, – проворчал он, переходя к моей груди.

Я молча вздернула подбородок, полностью игнорируя его слова и движения.

Я держалась.

Нужно держаться – пожалеть себя еще успею. Потом, когда останусь одна.

– Ну же... Красавица... Успокойся... Иди ко мне, – его губы приблизились к моим, и тут я уже по-настоящему ис-

пугалась. Его зубы, неприятный запах изо рта, неаккуратная щетина, описывающая линию подбородка, вызывали во мне все оттенки отвращения.

– Убирайся. Вон! – закричала я, снова начиная брыкаться. В тот момент, когда его губы зависли в паре сантиметров от моих, меня вновь спасло чудо.

– Ты хоть думаешь своей пустой головой? – Уже знакомый мне голос проверяющего – так я окрестила Джейса, который имел некую власть над всеми солдатами – прервал процедуру мучений, которые приготовил для меня Золотозубый. – Третий раз!

– Сэр, простите, – сразу же заскулил мужчина, когда оказался в руках Джейса. Он пришел не один – позади него стояло еще два человека уже в знакомой мне форме рядовых. Джейс же отличался на их фоне. Он был одет в обычный синий костюм современного кроя – я видела много таких, когда ездила в Париж с Гасом. Мы гуляли по Defense (*прим. район*) и наслаждались зеркальными небоскребами, достигающими до облаков. Для Гаса это было обычное дело, но не для меня. На ферме я мало что видела, кроме хозяйства, полей и красоты природы своей страны.

Внезапная тоска по Франции стала слишком сильной.

– Этого больше не повторится, да? Не знаю, зачем нам вообще держать тебя, низший. Это будет решать Он. А сейчас ты должен немедленно оставить пленницу в покое. Раз и навсегда, – отчеканил он, и в глазах Золотозубого я тут же

уловила страх: да, только боялся он вовсе не кары Джейса. Он боялся «его». – Ты меня понял?! – заорал он, оглушив моего обидчика. Впервые за несколько дней моих губ коснулась улыбка.

Как глупо. Ведь это ничего не меняет. Этот Джейс едва ли похож на моего спасителя.

– Понял, сэр. Не говорите...

– Я скажу, – прервал его Джейс и передал его в руки солдат, стоявших за его спиной. Затем он развернулся на каблуках ко мне и, почти не глядя на меня, издал указания:

– Можешь помыться остатками воды. Полотенце есть. Еда будет вечером. Советую тебе поесть, если ты хочешь дожить до завтрашнего утра. По моим подсчетам, ты не ела уже неделю. – Поговорив со мной, словно со стенкой, он так же быстро развернулся, собираясь уходить.

Но с меня было довольно.

– Хватит! Во-первых, немедленно снимите с меня наручники! – в полной тишине закричала я, еле поднимаясь с пола. Мои ноги до сих пор меня не слушались – я слишком много сил вложила в то, чтобы защищаться от этого ублюдка.

Джейсон развернулся на мой голос и несколько мгновений оценивал меня своим пустым взглядом.

Затем он молча подошел и открыл наручники за моей спиной.

– Теперь все, – он вновь собрался уходить, но я решительно положила руку на его плечо, разворачивая его к себе.

– Очень жаль, что приходится применять к вам силу, – гордо заявила я, потирая измученное запястье. – Но я не собираюсь мыться в этом гадюшнике. Есть мерзкий горох и вонючую рыбу! Я не мылась больше недели! Жалкая губка не отмоеет с меня лап этого противного чудовища! Его мерзких касаний... Я требую нормального душа, в противном случае, я вообще не буду мыться. – Я с силой наступила на ни в чем не повинное ведро с водой и опрокинула его на пол. Через секунду мы с Джейсом стояли в луже, а в его взгляде я читала неприкрытое удивление к моей персоне. – И ЕСТЬ ТОЖЕ!

– Что ж...

– Хватит поджимать губы! Нормальный душ. Все, о чем прошу. – Немного помолчав, я выдавила из себя слово, но уже тише. – Пожалуйста. Я хочу смыть каждое его касание.

Что-то во взгляде Джейса говорило мне о том, что он был не просто удивлен. Он был шокирован.

Неужели ни одна из девушек не пыталась по-человечески попросить нормальных условий? Если уж мне суждено прожить всю жизнь в плену, почему хотя бы не попытаться попросить о большем? В конце концов, я ничего не теряю.

Они уже забрали мою жизнь.

Моя память давно ее забрала.

– Сэр, успокоительное? – Один из солдат полез за чем-то в небольшой чемоданчик и достал оттуда что-то вроде укола.

– Нет, – сухо отреагировал Джейс, все еще разглядывая меня. – Душ, так душ.

Он сцепил свою правую руку и мою левую наручниками и взмахом головы приказал мне идти вместе с ним.

– Только у нас ванная.

О да. Это меня ничуть не расстраивает, сэр...

По темным подземельям мы шли довольно долго. Идя вдоль по коридору, я замечала редкие проблески солнечного света – все же, я была не под землей, а где-то очень близко к первому этажу.

Мои догадки подтвердились, когда, поднявшись по небольшой лестнице, я оказалась...

В огромном просторном зале.

От красоты и роскоши этого места у меня закружилась голова. Яркий свет огромной люстры под потолком, украшенной сотнями маленьких хрустальных капель, ослеплял. Потолки были высокие, подпертые мраморными колоннами малахитового цвета. Коридор зала украшала серая дорожка из бархатной ткани, а стены были заставлены старинными зеркалами, подсвечниками и картинами с изображениями нереальных пейзажей.

Я с трудом призналась себе в том, что нахожусь во дворце.

Видимо, я попала в плен к очень богатым людям. Чем они занимаются? Я даже представить себе не могла те суммы, на которые можно отстроить себе такой особняк. А ведь это всего лишь коридор, который вел из темницы.

Все это время Джейсон молчал. А я старалась не глядеть

в зеркала. И все же, избежать контакта с самой собой мне не удалось.

Как только я посмотрела на зеркальную гладь, я увидела... Грязную девку с растрепанными волосами.

На моих щеках атели пятна от ударов ублюдка, ночнушка покрылась толстым налетом вонючей плесени.

Синяки под глазами были меньшей из моих бед.

Даже удивительно, как эта мразь хотела меня... Я совершенно не походила на желанную женщину.

Совсем.

– Я хочу новую одежду, – вдруг произнесла я, нарушая нашу тишину. Джейсон глянул на меня, как на умалишенную, и хотел что-то сказать, но тут нас прервал новый шум, доносившийся из соседнего зала, в который вела большая арка без каких-либо дверей.

Чтобы рассмотреть то, что происходит за аркой, мне пришлось упасть. Наши руки были связаны наручниками, поэтому это остановило Джейса, а мне позволило разглядеть происходящее в другом зале, который был еще больше и роскошнее, чем предыдущий.

Он был довольно-таки пустым – многочисленные образцы средневекового оружия застыли на его серокаменных стенах. Под потолком висел неузнаваемый мною герб с изображением льва с крыльями. Его пасть широко раскрывалась на каждом изображении, застывая в немом рыке.

Но все это было ничем, по сравнению с происходящим

в зале. Двое мужчин в белой обтягивающей форме боролись друг с другом, держа в руках шпаги невероятной длины. Рукоятка одной из них была инкрустирована драгоценными камнями – обладатель этой шпаги напирал на противника, не оставляя ему никаких шансов на победу.

Удары их клинков эхом отбивались от стен и заполняли все окружающее нас пространство.

– Чего уставилась? Пошли немедленно, пока он нас не заметил, – приказал мне Джейсон, но я не могла отвести глаз от происходящего.

Я никогда не видела, как люди занимаются фехтованием – только в сериалах или кино, которые смотрела изредка, когда позволяли.

Тут произошло то, чего я не могла предугадать. Обладатель драгоценной рукоятки проткнул живот своего соперника насквозь, и от осознания того, что это все было не просто тренировкой, я вскрикнула, тут же прикрыв рот рукой. Пораженный опустился на колени, хватаясь за свой левый бок, истекающий кровью.

Он был серьезно ранен. Просто так, среди бела дня.

Что здесь, черт возьми, происходит?

– Идиотка, – заключил Джейс, понимая, что они нас заметили. Он тут же закрыл меня своим телом, но это не помешало мне встретиться взглядами с победителем, как только он оглянулся на нас.

Конечно, взглядами напрямую мы не встретились – его

лицо было затянуто серебристой маской, как и тело, запечатанное в белую обтягивающую ткань. Каждый сантиметр его был защищен и сокрыт от глаз.

В то время как я стояла здесь – грязная, в разодранной ночной рубашке, чувствуя себя абсолютно голой под его взглядом, который плавил его маску.

В воздухе застыла атмосфера напряжения – Джейсон тоже чего—то боялся.

Может, этот мужчина в форме и есть тот самый «он»? Судя по тому, как безжалостно он проткнул своего соперника, вполне вероятно.

– Что происходит? – Его голос нарушил всеобщую тишину, а руки в белых перчатках потянулись к собственной маске.

Не знаю почему, но когда он снимал ее с своего лица, я, на мгновение, забыла о дыхании.

Это так странно... Сначала видеть чьи-то поступки и слышать о человеке, а только потом видеть его лицо.

Я представляла себе мужчину преклонных лет. Массивный нос, седые волосы и лицо, покрытое морщинами. Я представляла себе бездушного старика, который посвятил свою жизнь созданию этой секты.

– Что ты здесь делаешь в это время? И ты... Не один? – После этих слов он открыл моему взору свое лицо.

Господи.

Он был очень молод. Может, лет на пять старше меня.

Наши взгляды встретились, и я еле удержалась от того, чтобы не расплавиться под силой его стальных синих глаз, глядевших на меня с пренебрежительным прищуром.

Я прищурила свои в ответ, бросая ему вызов.

Но тут же отвела взгляд – просто не выдержала. Комната закружилась в одночасье, и вот я уже почти вновь упала на пол, еле удерживая свое тело на ногах.

Сделав несколько шагов вперед, он приблизился к нам, позволяя мне разглядеть его ближе. Его поверженный враг тем временем изнывал на полу от боли, и никому до этого не было дела.

– Я жду ответов, – коротко попросил он, но в его голосе чувствовались злость и раздражение.

Высокие скулы сжались в ожидании ответа, губы превратились в тонкую ниточку. Он вздернул свой волевой подбородок и склонил голову набок, все еще ожидая.

Я почти видела темную ауру, окутывающую его тело – и это именно то, чего боялись все, кто находился в этом замке. То, чего боялась я. Страх, который он внушал, исходил не от его внешности и не от черт его лица, которые я не могла назвать ни как иначе, как красивыми и благородными. Несмотря на изъяны на его коже, линию затянувшихся шрамов на шее и еще один под бровью.

Страх рождался во мне в ту минуту, когда я встречалась с холодом его синих глаз.

– Ничего особенного, Ваше Высочество. Вышло неболь-

шое недоразумение.

На мгновение страх сняло как рукой, и я рассмеялась в голос. Ваше Высочество?

Они, действительно, больные сектанты.

– Какое еще недоразумение? – незнакомый мужчина не сводил глаз с меня и Джейсона. На его лице четко и ясно отражалась единственная мысль, наверняка крутившаяся у него в голове: он терпеть не мог «небольшие недоразумения». Он не выносил, когда что-то шло не по его плану, и невыполнения его приказов. И он, уж точно, никогда не видел, чтобы пленниц выводили напрямую в его дом, как это сделали со мной. – *Что. Она. Здесь. Делает?*

Я поразилась бешенству в его взгляде в сочетании со спокойным голосом.

– Гилберт пытался ее изнасиловать. И ему это почти удалось. Ранее, я лучше следил за ними. Простите. – Последнее слово Джейсон сказал с какой-то странной интонацией. Как будто он не привык обращаться к нему на «вы». Взгляд мужчины на Джейсона, на меня и на Гилберта был диаметрально противоположным.

Если на Гилберта он смотрел как на раба, то на Джейсона... Почти как на друга. К моей же внешности он и вовсе потерял всякий интерес, больше любопытствуя моим местоположением.

Еще бы. Сейчас я выглядела так, что сама на себя бы смотреть не стала. Так что на помилование за красивые глаза

можно не рассчитывать.

– Гилберт, – юноша усмехнулся, приподнимая бровь, отмеченную шрамом, – давно пора отрубить тебе руки, если ты не знаешь куда их девать.

– Ваше Высочество... – слезливо пискнул Гилберт, вмиг падая на колени. Его слова повергли меня в шок, и я не могла понять, серьезно Он говорит это или нет.

Судя по его взгляду... Еще как.

– Брэндан, он – твой солдат. А она – никто, – мысленно я поблагодарила Джейсона за то, что теперь могу знать имя этого мерзавца.

Брэндан.

– Мне плевать на честь пленниц. Он послушался моего приказа. И я уверен, это было не раз. Ты хочешь тоже понести наказание за то, что прикрывал его, или будешь молчать? У меня сотни солдат. Теперь один будет им... Наполовину, – он коротко кивнул, посмотрев в сторону. И тут произошло то, что окончательно отрезвило мой затуманенный разум, который отчаянно надеялся на то, что все события, произошедшие за последнюю неделю, – это всего лишь плод моего воображения. Двое людей, которых я приняла за неживые восковые фигуры, сделали несколько шагов к нам и схватили ненавистного мне офицера.

Все произошло слишком быстро. Я едва успела закрыть глаза, прежде чем просторный зал наполнился мучительными криками Золотозубого.

Я не могу его жалеть.

Я бы кричала сильнее, если бы он добрался до меня по-настоящему.

Но мне больно от осознания того, что я попала в плен к страшным людям. Этот человек, скрывающийся за маской прекрасного с виду мужчины, был настоящим Дьяволом.

Внутри.

– Я надеюсь, ты не заставишь меня искать причины, чтобы сделать это с твоей второй рукой. Или причины для казни. Я жесток, но убивать своих солдат из-за *sordida puella* (лат. «грязная девушка, убогая») не намерен.

Два слова про меня были произнесены не на английском. Этот язык был мне знаком, но я никогда его не учила, поскольку жила во Французской провинции. По движению его губ я прекрасно поняла, что значение этих слов было чем-то нечистым, неприятным.

Меня затрясло, когда я приоткрыла веки, чтобы взглянуть на происходящее. И вновь их сомкнула, увидев на полу основательную лужу крови.

Я не должна плакать.

– А теперь перейдем к тебе, – Брэндан вел себя так, будто каждый день отрубал части тела своим солдатам. С другой стороны, этот человек теперь никогда не прикоснется к женщине, так как он это делал по отношению ко мне.

Во мне бушевали противоречивые чувства.

К моему собственному удивлению, нотки жалости, кото-

рые я испытала к Золотозубому, быстро сменились на чувство облегчения от того, что справедливая участь его все-таки постигла.

Но, с другой стороны, я боялась того, насколько каратель моего обидчика мог быть жесток. И что меня ждет, если я вообще останусь здесь... В живых.

– Она чем-нибудь больна? – задал простой вопрос парень, не глядя в мою сторону. – Куда ты ее повел, почему вывел из подземелья до назначенного времени?

– Я не знаю, – просто ответил Джейсон, явно мучаясь от чувства вины перед этим сумасшедшим главарем секты. То ли я находилась в состоянии аффекта от увиденного, то ли мое терпение просто лопнуло...

Но я не выдержала.

– Ничем я не больна! Вы в своем уме?! Это вы больны здесь. Вы все. В особенности – Вы, – выпалила я, делая шаг вперед. Джейсон тут же потянул свою часть наручников на себя, держа меня в узде.

Брэндан нахмурился, не ожидая от пленницы такой дерзости.

– Ее точно пытались изнасиловать?

– Да, сэр. Она не ела больше недели. После попытки изнасилования она потребовала отвести ее в нормальную ванну.

– С каких пор ты так чувствителен, Джейс? – Вальяжно подойдя к деревянному столу с оружием, Брэндан оставил на нем свою окровавленную шпагу. Только после этого к столу

подошли слуги, чтобы промыть ее, а к раненному доктор, который все это время стоял по стойке смирно. И не обращал внимания на истекающего кровью человека.

Все эти люди так боялись, что не могли сделать и шага без дозволения Брэндана.

– Она здесь для определенных целей. Как и все пленницы. И она первая, кто попросил принять ванну. Приказом это не запрещено. И я решил исполнить ее последнее желание, прежде чем ее молодость пройдет... Сам знаешь где, – лучше бы я этого не слышала.

– Тогда не вижу смысла в том, чтобы тянуть с ее проверкой. Позволь ей помыться, а потом приведи ко мне. – Я хотела сказать что-либо в знак протеста, но Джейсон взглядом попросил меня замолчать.

Все что угодно, только дайте мне принять душ.

– Я бы все равно не стал прикасаться к такой... Грязи, – медленно протянул Брэндан, снова кидая на меня мимолетный, полный льда и неприязни взгляд.

– Т—т... – Джейсон захлопнул мне рот свободной ладонью и вытолкал из зала в коридор, где я вновь встретила лицом к лицу со своим отражением.

Когда-то я смотрела фильм про то, как жили бедные люди в средневековье. Девушки без защиты семьи или хорошего мужа опускались до рабского труда на швейных фабриках. В итоге, денег на жизнь им все равно не хватало, и они начинали продавать свои волосы.

Зубы.

Заниматься проституцией.

В фильмах отчетливо показывали, что стало с этими девушками, но то были лишь актрисы, которые изменили свою внешность.

И сейчас меня бы взяли на главную роль в таком фильме, если бы я невзначай заявила на порог кастинга.

Но это был не фильм... К сожалению.

Я походила на бледную тень своей прежней версии: впалые щеки, белоснежное от упадка сил лицо. От прежнего образа молодой девушки остались только горящие чернотой глаза и каштановые волосы, которые стали за эту неделю слишком ломкими.

– Лучше молчи и не задавай лишних вопросов, – солдат продолжал вести меня вперед по коридору, пока мы не оказались перед дверью с позолоченными ручками. Я прикусила язык, мечтая только о горячей ванной, и послушно вошла внутрь комнаты, когда дверь передо мной отворилась.

– Охрана будет дежурить у входа. Бежать нет смысла. Через полчаса ты должна стоять у порога.

– А новая одежда? – не удержалась я, разглядывая место, в которое меня привели.

– Рядом с ванной есть полотенца – это все, – он глядел на меня так, будто очень жалел о том, что сжалился надо мной. Всей душой я чувствовала, что сегодняшним же вечером он понесет наказание перед своим Королем за прояв-

ленную мягкость.

Дверь за Джейсом захлопнулась, и я осталась одна в просторной, для ванны, комнате, посреди которой стояла глубокая чаша, в которой мне предстояло мыться.

Я не ожидала, что меня отведут в такое место. Мраморный пол, сделанная из дорогого металла чаша с позолоченным краном. Не теряя времени, я включила воду и облокотилась на ванну, продолжая осматриваться.

Заметив шторы из красного бархата, я с надеждой распахнула их. Но за ними была лишь холодная каменная кладка. Здесь не было окон или другого выхода. С моей стороны глупо было рассчитывать на побег.

Кроме чаши, здесь были зеркало и туалетный столик, заставленный множеством всяких баночек. Понятия не имела, кому они принадлежали. Я не видела здесь ни одной девушки, только слышала их болезненные крики.

Не дав зеркалу больше смеяться надо мной, я резко сдернула с себя ночнушку, провонявшую потом, грязью и дыханием Золотозубого.

Смыть с себя все это. Забыть, где я нахожусь – то, что необходимо мне, как воздух.

Sordida puella.

Я догадывалась, что это значит.

Этот мужчина, за что-то ненавидел всех женщин. Всех людей. Или даже весь мир. А может быть, он и был ненавистью в облиции человека?

Какое бы отвращение я к нему не испытывала, навязчивый образ его лица, притягательных глаз и даже того, как он владеет оружием, не выходил из моей головы.

Окунувшись под воду с головой, я ушла в себя, прислушиваясь к отдаленному звуку вытекающего из крана водопада.

Ванна не могла заменить мне море, на берегу которого я жила.

Доброта Джейсона не могла перечеркнуть жестокость, которая меня ждет, и боль, через которую я уже прошла.

Я провела руками по своей истерзанной коже: за это время я потеряла вес, и кожа, казалось, стала еще блее, чем обычно. На руках просвечивали синие ниточки вен, а гематомы только дополняли весь ужас этой картины.

Гаспару бы это не понравилось. Хотя, конечно, он бы не стал меня разглядывать пристально – наши интимные отношения были редки и всегда происходили при выключенном свете.

Я отдавалась ему ради того, чтобы выразить благодарность. Благодарность за его дружбу, опеку и любовь.

Мысль о том, чтобы он откровенно разглядывал меня без одежды и при свете, смешила меня. Разве это может принести удовольствие?

В этом не было никакого смысла. Мужчины всегда преследуют одну единственную цель – получить удовольствие, покорить вершину, вдоль и поперек изучить непрочитанную книгу.

В этом они одинаковы, как будто их с древних времен штампуют из одного теста. Что Гаспар с его безграничной любовью и благородными намерениями, что Золотозубый с его похотливой одержимостью поймет измученную пленницу.

Но одно я знала точно: после секса мне всегда хотелось провалиться. Исчезнуть. Сделать вид, что этого не было, потому что каждый раз ко мне приходило ощущение того, что все сложилось неправильно.

Я вынырнула из воды и рассмеялась в голос. Я, наверное, окончательно сошла с ума. Нахожусь в плену, не знаю у кого, и, к тому же, далеко от дома, а голова забита такой ерундой.

Брэндан.

Пока я смывала с себя комки застывшей грязи, прикосновения стражи и своего насильника, его имя постоянно крутилось у меня на языке.

Оно было мне очень знакомым. У меня было такое чувство, что я когда-то слышала об этом человеке, но не могла понять, что именно.

Это все моя детская травма – наверняка я упала с небольшой высоты и потеряла память не только о своем детстве, но и приобрела способность вечно все забывать.

Может быть, поэтому я так мало плакала и ничего не принимала близко – когда одни и те же мысли не задерживаются в голове, они не доходят до сердца.

Только после двадцатиминутной ванны я вновь почув-

ствовала себя девушкой. Моя кожа была чиста и распарена, да и вода здесь была мягкой и сотворила со мной чудо. После этого я не могла вновь вернуться в свою грязную сорочку. Но и голой расхаживать по этому дворцу не вариант.

Безумная идея пришла ко мне неожиданно: глянув на красные шторы, я встала на цыпочки и сняла их, чувствуя радость от того, что делаю хоть маленькую, но гадость.

Пускай «Его Высочество» покарает меня за то, что я использую его шторы в личных целях. Я не боюсь этого большого ублюдка.

Разорвав тонкую ткань сверху на две части, я обмотала ее вокруг тела и, перекрестив на груди, завязала на шее. Самодельное платье доставало мне до середины колена и полностью прикрывало худобу и все изгибы. То, что нужно, чтобы чувствовать себя комфортно, когда буду возвращаться в темницу...

И я уже так спокойно об этом думаю.

Закончив вытирать волосы полотенцем, я собралась выходить за дверь, но тут она распахнулась сама.

– Мэри, нам туда нельзя... – услышала обрывок фразы я, прежде чем увидеть двух людей, которые ворвались ко мне без спроса. Между прочим, пять минут назад я была голой.

– Я так соскучилась по тебе, – девушка налетела на одного из офицеров, который ранее стоял за дверью, и поцеловала его в губы, не замечая ничего вокруг.

– Я тоже, но, Меридиана, послушай... Он узнает... Мы

здесь не одни, – он быстро развернул девушку в мою сторону, чтобы она, наконец, меня заметила.

Я сразу поняла, что мы с этой рыжеволосой одного возраста. И она совершенно не походила на пленницу, потому что была облачена в сдержанное, но роскошное платье темно—синего цвета. Оно плотно облегалo ее фигуру, а его воротник и манжеты были украшены драгоценными камнями. На голове она носила ободок, который сверкал серебристыми переливами, не нуждаясь в солнечном свете.

Девушка не была классической красавицей, благодаря веснушкам и натурально—красным волосам, заплетенным в толстую косичку. Но она была из тех девушек, которых хочется постоянно разглядывать.

Мы оценивали друг друга, пока она не перевела взгляд на офицера.

– Что она здесь делает? – Девушка закипела от злости. По ее капризному тону я поняла, что она та, кто имеет большое значение для этих сектантов. – Кто она вообще такая?!

– Ты знаешь, – офицер опустил свои глаза вниз и прокашлялся. Я ненавидела, когда в моем присутствии обо мне говорят так, будто меня здесь нет.

– Пленница? В замке? – взвизгнула Меридиана и снова с ужасом посмотрела на меня. – Быть этого не может. Боже... Что на ней надето...

Девушка ядовито улыбнулась, но от своего избранника отпрянула, понимая, что все происходит не так, как обычно.

Судя по всему, у них были какие-то отношения, о которых никто не должен знать.

– Сейчас придет Джейсон... – В замешательстве пробор-мотал офицер, расправляя плечи.

– Я уже здесь. Что происходит? – Голос Джейсона и его шаги заполнили ванную комнату. Он, явно, был не доволен тем, что видит. – Меридиана, это больше не может так продолжаться.

– Ты ничего не видел, Джейсон, – зашипела на него Мэри, упирая руки в бока. – Или ты забыл, как ты должен ко мне обращаться?

– Ты забыла, что я правая рука твоего брата? – съязвил в ответ он и снисходительно глянул на офицера, который все это время молчал, словно воды в рот набрал. Как и я. Событий происходило слишком много, непонимание только нарастало. Но я была никем, чтобы задавать здесь какие-либо вопросы.

– Даниель, я разочарован в тебе. В который раз. Вы оба пойдете со мной прямо сейчас. А если нет, – он выразительно посмотрел на надувшие губы Мэри, – будет хуже. Ты знаешь, что Он может убить его, если узнает о вашей связи.

– У нас нет никакой связи! – воскликнула Меридиана, взмахивая руками. – У тебя нет доказательств, Джейсон! Нет! В моей ванной проблемы с водой, вот и забрела сюда в надежде помыться здесь... Захожу, а тут какая-то голодранка, которая сняла мои шторы! Даниель зашел внутрь, что-

бы объяснить мне, кто она, вот и все. Между нами ничего нет, тебе и моему параноику-брату лишь бы чем-нибудь меня задеть... Брэндан, видимо, соскучился по убийствам! Так пусть идет! Вперед. Пусть сам идет воевать. А еще лучше – назад в Адинбург, потому что я больше не желаю знать его таким, каким он оттуда вернулся!

И тут она разрыдалась, пряча свое лицо в ладонях. В глаза мне тут же бросились ее кольца и идеально ухоженные руки.

На ферме она бы и дня не выдержала.

– Твои истерики здесь ни к чему, Мэри. Не при... Убогой, – Джейс взял меня за руку, чтобы вновь заковать в наручники.

– Она говорит правду, – вдруг, сама от себя не ожидая, твердо произнесла я. – Мне незачем ее покрывать. После того, что со мной сделал Золотозубый, я бы всех офицеров собственноручно перестреляла. Но он – ни в чем не виноват. По крайней мере, сейчас эта девушка говорит правду.

Все замерли, посмотрев на меня так, будто я была окаменевшей статуей, которая вдруг научилась разговаривать.

Не знаю, кто меня дергал за язык, и почему мне захотелось помочь этой капризной девице, но сказанных слов не вернешь.

– Это правда? – пристально посмотрел на меня Джейс, закрывая руки под замок, сцепляя со своей рукой.

– Да, – я кивнула, ни разу не моргнув. Мой взгляд был настолько прямым и открытым, что даже я не сомневалась в

своей выдуманной правде.

– Хм, – Джейс нахмурился и кивнул офицеру, который тут же вышел из комнаты. Затем он глянул на Мэри и отчеканил: – Будь осторожна, Мэри. Если он узнает...

– Того, чего вы все боитесь, не случится, – она тяжело вздохнула, расправляя складки на своем платье. На меня она так и не взглянула.

Никакого, ни малейшего взгляда с капелькой благодарности в ответ.

Абсолютно ничего.

– Я погуляю с подругами. Вы все меня достали. Все! – с свойственной ей истеричностью заявила она и покинула комнату.

Джейсон дернул меня за собой, заставив перебирать ватные ноги. Несмотря на то, что за последний час мой мир в который раз перевернулся с ног на голову, я сохраняла хладнокровие и стойкость, готовясь встретиться с «его Высочеством» вновь.

Глава 3

Кенна

В сопровождении нового отряда стражи мы пробрались в самые глубины особняка. Я не могла определить размеры помещения изнутри, поэтому не знала, уместно ли здесь будет слово «замок». Сколько членов в этой дурацкой секте, и от куда у них деньги на такую роскошь? В моей стране царят голод и разруха, пока англичане спокойно спят на шелковых подушках.

Через несколько минут скитания по коридорам я оказалась в новом для себя зале. Я бы назвала это гостевой комнатой – несмотря на стены, украшенные старинными картинами, здесь царила полностью другая атмосфера, в отличие от других частей дома.

Кожаный диван, мягкие подушки, журнальный столик со стопкой неизвестных мне книг и журналов. Из колонок, стоявших рядом с огромным плазменным телевизором, доносила негромкая музыка.

Здесь я чувствовала себя спокойней – сразу ощущала себя в цивилизации и современном мире, хотя, эта иллюзия была обманчивой.

Потому что я знала, что там, в подземельях, скрывают десятки женщин и девушек, которые были ни в чем не повинны. И только небо знает, что, черт возьми, со всеми нами хотят здесь сделать.

Я проглотила комок из страха застрявший в горле. Жертвоприношения? пытки? Продать в рабство? Что?!

Мой взгляд сразу врезался в его затылок, как только я вошла в комнату.

– Ваше Высочество, – окликнул Джейс, приказывая охране остаться за дверью, – я привел к вам пленницу.

Брэндан встал, медленно разворачиваясь ко мне лицом. В другой одежде он выглядел иначе, но не менее угрожающе. Весь в черном – от брюк и ремня до сатиновой приталенной рубашки, которая подчеркивала каждый мускул крепкого поджарого мужского тела. Мои зубы заскользили по собственным губам, пока я пыталась привести нервы в порядок.

Брэндан все еще не смотрел на меня, он только встал у дивана в расслабленную позу, облокотившись на него одной рукой.

Несмотря на это, всем своим видом – широтой прямых плеч, осанкой и надменным взглядом – он будто бы подтверждал свое звание, которым его все здесь окрестили.

У него бы неплохо получилось играть короля, будь он актером...

Гаспар с его красотой не вызывал во мне и половины эмоций, которые появлялись во мне при виде этого... Молодого человека.

Страх. Смятение. Желание убежать. Но и желание узнать. Узнать ответы на все свои вопросы и его тайну.

Я сразу поняла, что здесь произошла серьезная трагедия.

По пути сюда я замечала разрушенные колонны, над которыми трудились рабочие. Многочисленные портреты одних их тех же людей с пустыми взглядами. Все здесь было какое—то неуютное, темное и, если описывать одним словом, будто...

Проклятое.

– Хорошо. Я сам проверю ее. После кинешь ее обратно.

– Не теряйте надежду. – Джейсон кивнул ему, словно мне предназначался уникальный шанс стать его надеждой.

– А теперь, vade. Vade, Джейс. – Я нахмурилась, желая вмазать ему по пафосной роже. Сколько языков он знает, если с поданными говорит на двух, а со мной на моем родном?!

Когда Джейсон покинул комнату, освободив мои руки, мне стало не по себе. Радовало только то, что с момента нашей встречи я помылась и была прилично одета.

Вряд ли штору вокруг талии можно назвать хорошим одеянием, но, по крайней мере, мои бедра не были распутно обнажены.

А потом вновь пришла гнетущая тишина без взглядов. Брэндан как будто избегал меня, а может, задумался, рисуя в голове новую жестокую картинку расправы над невинной девушкой.

Я снова не смогла хранить молчание.

– Я требую ответов. Почему я попала к тебе в дом? Что это за место? Я... Обычная девушка. Родилась на ферме и...

– Ложь, – его голос прервал мою речь, как удар клинка. – Ты не родилась на ферме.

Одной рукой Брэндан обхватил свою печатку на мизинце правой руки. Он постоянно крутил ее между пальцами и смотрел на герб, изображенный на кольце.

– Я... Да, не родилась там. Но я самая простая девушка. Если вам что-то нужно – у меня этого нет. Если вы продаете девушек... – Я набрала в легкие воздуха и попросила: – Лучше дайте мне пистолет.

Он поднял на меня свои льдистые глаза, наконец, и я окаменела от страха, сковавшего мой рассудок. Такого тяжелого взгляда я прежде не видела. Взгляда, наполненного грехом, жестокостью и страданиями. Мужчина смотрел на меня не отрываясь, да так, будто видел меня насквозь. Словно ему в миг открылись карта с подробным описанием моей жизни и картинка моих сжавшихся от холода внутренностей.

Хуже стало, когда его взгляд с недоумением и издевкой заскользил по красному бархату, в который я была завернута. Пробежавшись глазами по нему, словно не обнаружив ничего интересного, он уже дольше оглядывал мои оставшиеся голыми плечи и, наконец, поднялся к лицу.

Только бы щеки не стали цвета этой дурацкой шторы.

– Как тебя зовут? – Хрипловатый голос и акцент, с которым он говорил, были очаровательны. Этот парень бы разбивал десятки девичьих сердец, если бы не был ублюдком, психом и садистом.

– Ты у всех своих пленниц спрашиваешь имена?

– Имя. Назови, – грубо выдавил он, глядя на меня непре-

рывно.

– Ария, – на секунду замешкавшись, отозвалась я.

Брэндан резко выдохнул и повернул голову направо, разминая шею. Два быстрых шага, и он оказался рядом со мной, отчеканив жестче:

– Опять ложь. Мне позвать Гилберта? Я знаю, что будет для тебя хуже плена и смерти. Хорошо, что я не отрубил ему то, что может послужить тебе казнью.

Внутри меня слезы посыпались градом, но я сделала все, чтобы сдержать их и сохранить лицо. Не вышло. Предательски посиневшие губы дрожали. В комнате воцарилась вечная мерзлота.

– Мое имя не имеет значения.

Я гордилась собой. Я была очень смелой. Я приготовилась к тому, что Брэндан по щелчку пальцев исполнит свое обещание в жизнь.

– Ты... Чужая. Но другая. *Sordida puella*, – он поморщил нос, словно от меня все еще исходил неприятный запах.

– Вы – сумасшедший садист. – Я хотела его оскорбить, но молодого человека это только рассмешило, хоть и смех этот нес в себе больше угрозы, чем радости.

– Сейчас? Уже нет, – небрежно ответил он, словно не протыкал в моем присутствии человека шпагой длинную в половину моего роста. – Как бы я не хотел к тебе прикасаться, мне придется самому это сделать.

Сделать... Что?

Ответа не пришлось ждать долго – Брэндан схватил меня за и без того раскрасневшиеся запястья и потянул за собой на диван, который стоял позади нас. Беспорядочно кинув меня на подушки, он вдруг схватил мои ноги за лодыжки, заставляя меня потерять собственный разум.

Я не чувствовала испуга. Я чувствовала себя так, будто ниже пояса мое тело онемело от многочисленных мурашек, побежавших по коже ног...

Его хватка была стальной, а взгляд безумным. Одним им он пригвоздил мою спину к спинке дивана так, что я не могла пошевелиться.

Его ладони заскользили по моей голени, быстро и неистово подбираясь к внутренней стороне моих бедер. В два счета он закатал красную ткань до пояса, оставив руки у меня между ног.

Он раздвинул их, заставив меня затрястись от негодования и от... Непонимания. От жара, сковавшего тело.

Выругавшись, Брэндан нахмурился сильнее и, с легкостью повернув меня на бок, обжег взглядом кожу на моих ягодицах. Мысленно я радовалась тому, что умудрилась сохранить белье.

Если в теле, переполненном чувствами, еще существовал мой рассудок.

– *Quod erat demonstrandum* (лат. «Что и требовалось доказать»). – В последний раз проведя ладонью по моему телу, он отпустил меня, резко соединив мои ноги. Он отошел на

два шага назад и схватил себя за волосы.

Тут же одумавшись, он пришел в себя и опустил руки, вновь нацепив безразличную маску.

Но я знала: он злится.

Он просто в гневе.

Моя кожа была опалена – она горела от его прикосновений. То, что он трогал меня без позволения, было дикостью.

Но Брэндан, кажется, совершенно не придавал значения ни мне, ни моему телу, в то время как я отчетливо чувствовала каплю пота, стекавшую по позвоночнику. Она дразнила меня, заставляя содрогнуться от недавнего воспоминания.

Страх завладел мной.

– Ты – еще одна ошибка. И еще смела качать свои права! – В два счета он со всей дури налетел на журнальный столик и перевернул его одним махом. Стекло разлетелось на куски у моих ног, на что он только злорадно улыбнулся.

В который раз за сегодняшний день я видела кровь. На этот раз свою собственную. Осколок врезался мне в лодыжку, но я почти не чувствовала причиненной боли из-за сильно испуга.

Я никогда не видела таких одержимых. Больных. Он походил на неконтролируемого Беса. Брэндан расстегнул пуговицу на шее, делая глубокий вдох.

– В то время как ты не должна даже своего грязного рта раскрывать! – заявил он, пугая меня все больше и больше.

– Грязный рот здесь только у вас, – выпалила я, не обдумав

сказанное. – Ваше Высочество.

Последней фразой я хотела сгладить свои слова, но они прозвучали с такой издевкой, что я сделала только хуже.

Я буквально приставила к своему виску пистолет, а к груди кинжал. И все это – одним словом.

– Что ты сказала? – черт бы побрал этого сумасшедшего, но он подбежал ко мне, ступая прямо на битое стекло. И ни один мускул от боли не дрогнул на его лице. Вены на его лбу вздулись до предела, а скульптурное лицо исказилось гримасой злости, но лишь на мгновение.

Уже в следующую секунду – лишь холод и пустота в его взгляде.

Руки Брэндана на моей талии, которые сжали ее с адовой силой.

– Я могу убить тебя. Раздавить. Ты не понимаешь, с какой легкостью и удовольствием мне это удастся. Я сделаю это, не напрягаясь.

Он приподнял меня над полом, заставив повиснуть в воздухе.

– И ты не представляешь, насколько ты этого заслуживаешь.

Что я, черт возьми, ему сделала?

– Вы самый несчастный человек, которого я когда-либо видела, – выдавила из себя я, подписав себе приговор на казнь. – И самый отвратительный.

– Поверь, грязная девка, ты гораздо хуже меня, – он про-

изнес это с такой ненавистью и таким тоном, что я действительно почувствовала в этом какой-то смысл. – Но даже если это и не так, то своими словами ты сделала мне невероятный комплимент.

Его руки сильнее сжали мою талию, как в тугой корсет. Моя грудь раздулась от переизбытка воздуха, ткань начала не кстати сползать с ключиц и груди прямо перед взором этого Дьявола.

Нет, если он увидит хоть частичку моего тела, я этого точно не вынесу.

Моя нога резко согнулась в колене, и я со всей дури ударила его в солнечное сплетение. Мои приемные братья часто дрались между собой, и я видела, как один из них прибегает к этому приему, когда уже падает или сдается.

Брэндан дернулся, но на его лице не отразилось ни грамма боли. Удивительно. То ли у него стальная выдержка, то ли он действительно не человек, то ли крепкий пресс, в который я уперлась своим коленом, защитил его от моего незатейливого удара.

– Вае (лат. «Бл*дь, Черт»)! – сквозь зубы выдал он, еще больше пугая меня своей силой.

Глаза Брэндана потемнели, будто в них назревал настоящий десятибалльный шторм. Сердцем я чувствовала, что с ним что-то не так. Это был не просто взгляд безумца или, как я подумала, «Главаря секты».

Это был взгляд человека, на руках которого редела кровь.

Взгляд человека, который прошел через настоящий Ад, а потом посмел выбраться из него живым.

И еще этот взгляд излучал мощь, к которой я не прикасалась прежде. Черные зрачки, постоянно меняющие свой размер, и темно-синяя радужка гипнотизировали, манили, то окрыляя, то заставляя трястись от ужаса.

– Ты совсем страх потеряла? – Похоже, мне все-таки удалось удивить безэмоционального господина. – Ты действительно не знаешь кто я? Даже не догадываешься?

Последние слова прозвучали с усмешкой – будто не знать о нем невозможно. Я ненавидела, когда со мной разговаривают как с недалеким ребенком. Да, я выросла в глуши и не получила достойного образования, но это не значит, что не понимала жизни и людей, чувства которых с легкостью угадывала. Почти всех.

– Я знаю, что вы управляете этой сектой, – пыхтя пробормотала я, устав от его взгляда. Я прикрыла свои веки, понимая, что он, словно вампир, высасывает из меня всю душу взглядом. – Коллекционируете пленниц. Может, по своей прихоти; может, для продажи; может, еще для каких—то извращенных целей. Знаете, я не удивлена. Ни одна нормальная девушка не останется в вашем замке добровольно. Ни одна женщина не захочет провести даже ночь под одной крышей с вами... – Я просто шевелила губами, радуясь, что не вижу его реакции на свои слова.

Так спокойно. Хотя его руки держали меня все крепче и

крепче, но я терпела – в конце концов, талия – это не шея, и я еще могла спокойно дышать.

– Сектой? Мало того, что ты слишком дерзкая, так ты еще и глупа. Смотри мне... В глаза.

Он встряхнул меня, как безвольную куклу.

Я ослушалась.

– В глаза мне смотри, *Sordida puella*.

Распахнув веки, я снова пропала в омуте его синих глаз. Может, они были ненастоящими. Может, технологии дошли до того, что в мире придумали линзы, которые способны управлять чужим разумом, а я не знаю.

– Ты ошибаешься, – пренебрежительно подметил он, и я не поверила своим ушам. Что он хочет этим сказать? Неужели Его Высочество оправдывается? Да еще и перед кем. Перед грязной девкой, как он говорит. Почему именно ко мне он так настойчиво пристал? Ведь я слышала, что прежде ни одна из пленниц не покидала стен темницы. – Но, очевидно, ты не одна из этих женщин. Что-то или кто—то в твоём прошлом научил тебя прятать свой страх.

Он поморщил нос, будто бы принюхивался ко мне.

– А я его чувствую. В каждом твоём робком вдохе. – На секунду мне показалось, что в его голосе сокрыта какая-то боль и нежность, которая приоткрыла для меня завесу человека, которым он был в прошлом.

Ведь он не мог с рождения быть жестоким головорезом, душегубом и убийцей.

Если он только не действительно сын Дьявола, но я никогда не верила в сверхъестественное.

– Я не боюсь вас. Если хотите убить меня – сделайте это прямо сейчас, и дело с концом. Я не хочу в темницу – это ниже моего достоинства. И я не позволю рукам всяких уродов прикасаться ко мне.

Конечно, я боялась говорить эти слова. Я знала, что он способен на это, но понимала, что, если буду выказывать свой страх и умолять о пощаде и свободе, ничего не изменится. Пленницы проделывали это много раз, и что? Где они? Погибают в темнице, в темноте и одиночестве. Моя смелость поможет мне выделиться из толпы. И будь, что будет – в любом случае, небеса на землю не рухнут.

– Но мне же ты позволяешь, – в его глазах блеснул незнакомый мне огонек, а уголков губ коснулось подобие улыбки. – Хорошо. Хочешь смерти? Да будет так, чужая.

У меня вся жизнь пронеслась перед глазами. Пусть скучная, пусть одинокая, но, тем не менее, наполненная некоторыми моментами искреннего счастья.

Я не знала своих родителей, не знала кто я, но это не мешало мне любить природу, которая была моим домом, и знать каково это – пройти босиком по свежескошенной траве, тающей под ногами.

Запах моря, который я буду чувствовать, где бы не была.

Я знала, что такое поцелуй мужчины, и что это такое, когда кто—то ставит твои интересы превыше своих.

При мыслях о Гаспаре, который не спешил ко мне на помощь, мое сердце сжалось. Он на войне. Возможно, его уже даже нет в живых, а я – глупая – осуждаю его за то, что он не решается противостоять этому дому и сумасшедшим его обитателям...

– Твоя казнь будет показательной. Для всех. Я как раз искал лишний повод для такого мероприятия. Народ должен знать, что бывает с теми, кто идет против воли Короля. – Не успела я осознать его слов, как он отпустил меня, быстро удаляясь из комнаты.

Упав на пол, я больно ударилась о паркетное покрытие современной комнаты и тихо простонала, услышав топот шагов, а затем почувствовав, как новые стражники схватили меня за плечи и заковали руки в новые оковы.

Все было как в тумане, сне или альтернативной реальности. От страха, голода и постоянного стресса я испытывала внутри такую усталость, что совершенно не понимала, что все это происходит на самом деле.

Может, это кошмар? Пожалуйста, Боже, сделай так, чтобы я проснулась.

Но нет. Меня продолжали нести, как вещь. Вот уже мы миновали роскошные коридоры, вновь приближаясь к моей камере – к сырости, крысам и грязи.

Только сидя в углу своей темной комнатушки, я начала приходить в себя, постепенно вспоминая свой разговор с сумасшедшим главарём и все события, которые произошли се-

годня.

Все кланяются, когда видят Брэндана в коридорах. Все беспрекословно выполняют любой его приказ.

Его боятся, остерегаются и в тайне мечтают убить...

Я нахожусь в стране, где мне постоянно холодно, а небо, которое я видела в крошечном окошке, почти всегда затянуто серыми тучами.

Никто не смеет идти против воли Короля.

Голос этого ублюдка не покидал моей головы.

С тяжестью в сердце я осознала, что нахожусь не просто в плену и даже не в сектантской группировке. Я нахожусь в темнице у самого страшного врага всей Европы; у того, против кого уже столько лет идет ужасающая война – в плену короля.

Глава 4

Кенна

На самом деле, последним королем Англии был Джона-тан Третий, насколько я помнила. Я никогда не вдавалась в подробности и историю страны, которую ненавидела всем сердцем. Все, что я знала, – это то, что последние лет семь Англия стремилась только к одной цели – завоевать все европейские земли, чтобы обрести мощь, достойную для завоевания других стран.

Я слышала, что несколько лет назад, как и в прошлом веке, наши страны существовали в дружественном союзе.

Я напряглась, вспоминая уроки истории, на которых предпочитала спать.

Кажется, полвека назад на Англию, которой управлял Парламент, напали, и этот случай понес за собой много человеческих жертв. Нападающие не состояли в Европейском союзе, они пришли от куда-то извне, но названий этих стран я даже и не помнила. Может, из-за океана, может, с другой стороны материка. Правда была в том, что Англия не желала мириться с такой слабостью, и один из ее правителей решил добиться полумирового господства любой ценой.

Но ему это не удалось – монархи Англии всегда были лишь картинкой для народа, красивыми куклами, первыми лицами государства – страной всегда управлял Парламент, а власть одного абсолютного монарха давно канула в про-

шное. Как и во Франции, и в других странах. Конечно, в нашей стране была королевская семья, но она уже не имела никакого веса в политических делах – Президент и его совет отлично выполняли все свои государственные обязанности, постоянно развивая страну.

Это было до войны.

Я вовсе жила так далеко от всего этого, что меня это не особо касалось. Может, это звучит ужасно, но мне было плевать на политику, на то, кто правит страной, и что будет завтра.

Разве что-то имело значение, когда по утрам я выходила к морю и кормила чаек, зевающих на берегу?

И наблюдала за тем, как волны равномерно ударялись о песчаный берег, когда вокруг не было ни души. Я не бывала в больших городах, не ездила на знаменитые курорты. Только один раз, в Париже, и то потому, что Гаспар отвез меня туда.

И теперь вот она – еще одна усмешка, я столкнулась лицом к лицу с войной, оказалась в самом ее эпицентре. Оказалось, что гражданская война в Англии выглядела еще хуже, чем в наших странах.

Да, они, наверняка, не голодали. Но если бы на глазах наших людей устроили демонстративную казнь...

Они бы этого просто не выдержали.

Здесь же все было как-то иначе. Что можно сказать о людях, которые спокойно стоят в стороне, когда видят, что их пресловутый король протыкает насквозь ребра своего про-

тивника?

Играючи, в шутку... Это просто уму непостижимо.

К тому же, здесь было что-то не так. Коронация наследника всегда была чем-то особенным – новость о ней всегда разлеталась далеко за пределы стран, в которой она происходила.

Я бы была в курсе, если бы Брэндан был королем. Я бы сразу узнала его...

Так вот почему он показался мне таким знакомым! И все же, Брэндан не являлся королем. Я бы знала это. Джонатан был последним, пока его не убили.

В голове вспыхнуло слабое, но такое многозначительное воспоминание.

«Вся королевская семья была убита при загадочных обстоятельствах. Подробности Парламент разглашать не стал. Ходят слухи, что только принцесса – Меридиана, герцогиня Уэльская, осталась в живых...».

Меридиана была принцессой. А Брэндан являлся ее братом. Следовательно, его звание было вовсе не «король», а «принц», и от этой мысли мне стало только хуже.

Слово «Принц» никогда и ни у кого не ассоциируется с таким ужасным человеком, как он. «Принц» – это что-то благородное, высокое, обещающее... Брэндан олицетворял все антонимы слова «Принц» – падшее, забирающее, внушающее страх и боль.

– Ешь, – услышала я, когда передо мной в очередной раз

положили тарелку с густой кашицей. Я не была привередлива в еде, но всегда питалась свежими овощами, фруктами и мясом, которых на ферме было предостаточно. Этим же пойлком они в который раз оскорбляли мое достоинство, и то, в каких условиях я находилась... У меня не было никакого аппетита в этих четырех стенах, поэтому, смерив очередного офицера яростным взглядом, я молча взяла стакан воды и опустошила его до дна. – Тебе следует поесть, – снова повторил он, слегка пиная тарелку своим ботинком. Еще один ублюдок. За кого они меня держат? За собаку?

– Уходите, или я изваляю ваше лицо в этой тарелке, – огрызнулась я, все сильнее вжимаясь в холодную и сырую стену из каменной кладки.

Офицер, лица которого я даже не запомнила, вдруг замахнулся на меня и со всей силы вlepил мне пощечину. Его грубая ладонь опустилась на мою щеку, и я прикусила ее с внутренней стороны, чтобы не заскулить от боли.

Для всех я – не человек. Животное, тело, пленница, не имеющая прав. Просто безвольный кусок жизни, субстанция в смирительной рубашке, которая спокойно ожидает своей казни в темноте.

– Убери руки от пленницы. Приказа бить ее не было. – Вновь чей—то голос. С истеричным смехом внутри понимаю, что мне уже все равно, кто говорит.

У меня даже нет никаких сожалений, нет сил сопротивляться. А самое странное – мне действительно не страшно.

Завтра меня казнят. Единственное, что немного страшит мой разум – это пытка. Я закрываю глаза и надеюсь только на то, что все пройдет быстро и безболезненно...

Ведь лучше так, чем здесь – в темнице, без света, моря, без надежд и цели. Я очень надеюсь, что успею сказать свое последнее слово и плюнуть в сторону Его Высочества – Брэндана Виндзора.

– Как тебя зовут? – безучастно спросил второй офицер, который сменил того, что приносил мне еду. Равнодушно подняв голову, я уставилась на него, не сразу уловив знакомые черты на его лице.

– Никак, – глухо отвечаю, обхватывая колени руками. Впервые за долгое время я вижу добрые светло—карие глаза, которые смотрят на меня с сочувствием, а не с ненавистью.

В симпатичном офицере с густыми бровями и пухлыми губами я узнала того самого молодого человека, которого застала с Меридианной. Так вот оно что – передо мной мужчина, который покорило сердце принцессы.

Если у этой стервы оно вообще имеется.

– Мне очень жаль, что тебе уготована такая судьба, – наконец произнес он, разглядывая меня как под микроскопом.

Я пропустила вдох, судорожно стараясь ухватиться за соломинку. За свет, который замелькал для меня спасением, словно выводя на выход из темного тоннеля.

– Мне не нужна твоя жалость. Мне необходимо спасение и свобода. – Унижаться я, как и раньше, не собиралась. Каж-

дое мое слово было сказано таким тоном, словно королевой здесь была я, а не этот высокомерный сукин сын, который протыкал людей и питался их страхом на завтрак.

– Если я осмелюсь пойти против Принца, меня ждет твоя судьба. Или, что еще хуже, Адинбург, – коротко ответил он, доставая из-за своего пиджака флягу. Молча, он протянул ее мне, а я и не стала отказываться. Серебристая бутылка заблестела в моих руках, играя с лучами солнца, которые снова насмешливо пробирались в мою темницу через маленькое окошко.

Я сделала глоток, но то была не вода. Сладкий, но не приторный, как молочный шоколад, напиток. Я так давно не чувствовала никакого вкуса, что чуть не расплакалась за то, что этот офицер позволил мне... Позволил в последний раз насладиться вкусом.

– Спасибо, – я перевела взгляд на него, вновь встретившись с яркими ореховыми глазами и морщинками от бесконечной улыбки вокруг его глаз. – Тогда расскажи мне. Просто расскажи. Что такое Адинбург? Почему вы не оставляете другие страны в покое? Почему позволяете управлять вашей страной безумному принцу?

Взгляд офицера стал более жестким за одно мгновение. Слегка нахмурившись, он задумался, будто вспоминая самые нелегкие годы в своей жизни.

– Ты имеешь право ненавидеть его, но не вправе осуждать. Как и мою страну, так и людей, которые здесь живут.

Ты ничего не знаешь ни о нас, ни о своей стране. Офицеры рассказали мне, что нашли тебя в глуши у моря на границе с другими землями, – я внимала каждому его слову, разрываясь от нарастающего внутри любопытства. Мне безумно хотелось узнать все, узнать все возможное, прежде чем вокруг моей шеи завяжется тугая петля. Это было такое глупое... Наивное, детское любопытство. Что ж, я и так была ребенком. Думаю, принцессе было столько же, сколько и мне – восемнадцать.

– Поэтому, ты никогда не узнаешь правды. Единственное, что я могу сказать – это то, что принц не всегда был таким. – С каждым словом он говорил все тише, будто бы уже сам не верил в прошлое, которое когда-то существовало. – Наша страна в таком положении, что из двух зол выбирает наименьшее.

– Из каких двух зол? Зачем ему все эти девушки?

– Не задавай больше вопросов. У меня нет на них ответов. – Дружеская связь между мной и офицером разорвалась, словно ее и не было. От досады я закусила губу, понимая, что не узнала ничего нового. – Одно могу сказать точно: принц никогда раньше не уединялся с пленницами в одной комнате. Для утех у него есть наложницы, служанки, да и вообще кто—угодно. К тому же, демонстративные казни – такого еще не было. Да... Он приказывает убивать, но не на глазах у всего народа. В нашей стране такого не было около семи лет.

– А что было семь лет назад?! – не выдержала я, но офицер

уже развернулся ко мне спиной и направился к выходу.

– Пей до дна. Это поможет успокоить нервы, – тихо бросил он, не оборачиваясь, и с грохотом хлопнул дверью.

Что я и сделала. Для человека, которого завтра ожидает казнь, я, на удивление, чудовищно спокойна. Наверное, если бы Его Величество Брэндан видел бы меня сейчас, он бы закипал от злости.

Меня больше раздражало, что завтрашнее шоу напугает простой народ, хотя, я его уже ненавижу за то, что они мирятся с такой властью. За то, что они все, просто, чужие. Мы родились в разных странах, а значит – мы уже заранее кровные враги.

Просто раньше я об этом не задумывалась. Мне не было дел до политики, информационной войны. Я просто хотела, чтобы это не касалось меня, и жила в тылу, до куда почти не доходили голод и шум взрывов.

Глава 5

Кенна

Утром они пришли за мной снова – двое, как всегда, полностью в черной одежде, усыпанной гербами страны и знаками отличия. Я почти не вздрагивала от их прикосновений – в сравнении с лапами Золотозубого, они все были обычными офицерами, которые исполняли свой долг. Служили своему правителю.

Я же отказалась плясать под его дудку и предпочла казнь безвольному плену.

Крики и мольбы о помощи девушек оглушали. Я шла по коридору, стараясь заглянуть хотя бы в одно из маленьких окошек, но все было тщетно. Сплошные крики, слезы, рыдания. Голоса девушек все были молодыми – значит, коллекция игрушек Принца состояла из одинаковых пород и мастей.

Может, это был его фетиш – просто держать нас в плену. Это, уж точно, признак слабоумного психа. Если бы он использовал нас в качестве сексуальных рабынь, я бы еще видела в этом смысл... Но просто так?!

Невольно я вспомнила слова офицера о том, что принц может заполучить любую женщину. В этом я не сомневалась. Подонок притягателен, как Бог, да только из всех Греческих Богов, что я знала, он бы мог претендовать только на Аида.

Одни его темно-синие глаза напоминали мне бездну или ворота в Ад, и никак иначе. И сколько девушек кидались в

его объятия, добровольно шагая в это чистилище?..

Они были мне противны. Как можно было добровольно сдаться в его холодные объятия?

Я почувствовала прилив незваного румянца на своих щеках при воспоминании о том, как он касался меня, как трогал... С какой-то непонятной жаждой что-то найти, узнать и возрадоваться. То, как резки и властны были его движения. Никогда прежде я не ощущала, что мой разум вступает в борьбу с собственным телом. Но в тот момент они явно говорили на разных языках, иначе, откуда эта дрожь и нега, расцветающая внутри от касаний его грубых ладоней?

Ненавижу его.

Меня вывели на свет и свежий воздух. Черт возьми, ради этого стоило согласиться на казнь. Как же я соскучилась по небу, пусть и сейчас оно вновь затянулось тучами туманного Альбиона. К тому же, пока меня вели по каменному мосту, переброшенному через небольшую реку, протекающую в саду особняка, я могла оглядеть окрестности.

Обернувшись, я поняла, что это все-таки был замок. Во Франции в Долине Луары было очень много таких, но я видела лишь один. Но он и вполтину не был так роскошен, как этот – стены, украшенные позолоченными балконами и резным рисунком, высеченном прямо на сером кирпиче. Большой круглый купол на своде здания был красив, но не вписывался во всю остальную стилистику – более готическую, темную. Замок был очень большим, но территория двorca

была просто огромной. Мост, по которому меня вели, позволял очень быстро покинуть ее, и я с сожалением осознала, что вижу только часть этого прекрасного сада. Вдали я заметила фонтан и поляну из красивейших цветов, которая так и манила к себе. Я отвернулась, понимая, что мне не суждено коснуться их лепестков.

Хватит. Все будет быстро. И не останется сожалений...

Я боролась, я сделала все, что могла. Я пыталась сделать это словами, потому что, как бы ни был силен мой дух, мое тело – ничто против Королевской стражи и офицеров, которые не отпускали меня ни на секунду.

Я оказалась на площади, заполненной людьми и их криками. Здания здесь были двухэтажные, старинные – а вот вдали виднелись небоскребы Лондона, подпирающие небосвод. Люди смотрели на меня, как на диковинное нечто. Я смотрела только на столб, стоящий посреди постамента, на который меня вывели.

Этот столб напоминал мне кадры из жутких фильмов про Инквизицию, которые я смотрела. Обычно, на таких столбах сжигали ведьм, били хлыстом или же казнили через повешенье.

При мысли о пытках я задергалась в руках стражи.

– Смирно, чужая, – отрезал мне офицер, подводя меня к одной из стен. Тут мой взгляд упал на ложе, которое находилось неподалеку.

Я сразу узнала Брэндана, облаченного в необычную для

современности одежду – черный колет и длинная холщовая мантия ярко-красного цвета. По правую руку от него восседал Джейсон, а по левую – Меридиана. Она опустила голову, что совершенно не соответствовало поведению принцессы, и даже как-то съёжилась и сгорбилась на своем стуле...

Прислушавшись к крикам народа, я поняла, что они не хотят того, что в скором времени произойдет. Каждый из присутствующих смотрел на меня с сожалением, а внутрь себя – со страхом.

Все они боятся, что такие казни станут обычным делом для их страны.

– Рад приветствовать сегодня здесь всех вас. – Брэндан говорил в микрофон, поэтому я прекрасно слышала его, стараясь не глядеть на то, как один из офицеров делает первый шаг на постамент. В руках у него длинное ружье размером с половину моего роста. Будто охотничье.

Стать бы птицей... Взмахнуть большими крыльями и, расцарапав Брэндану глаза, улететь из этого плена.

– Я знаю, что ваши сердца еще не остыли от прежней боли, – начал говорить он, и это совершенно не то, чего я ожидала. Я не рассчитывала на то, что он начнет тянуть время, даруя мне еще целые сотни драгоценных секунд.

Я вдохнула воздух полной грудью и... Ничего не почувствовала. Ни боли, ни печали, ни надежды. Мне хотелось бороться, и эта черта моего характера была лидирующей, но я просто не знала за что.

Страх я испытывала только в непосредственной близости от Брэндана. И ненависть. Самым безумным было то, что они наполняли меня до краев, дарили желание и энергию двигаться дальше.

Противостоять.

– Парламент был жесток с вами, но мы все прекрасно знаем, что вы сами сделали этот выбор. – Он окинул всех присутствующих полным ярости взглядом. Будто каждый, кто находился здесь, когда-то его предал. – Теперь, когда я вернулся, я вынужден расхлебывать то, что случилось с моей страной за последние годы.

Слева от меня я заметила репортеров с камерами: в этих людях нет ничего святого, если они собираются транслировать убийство по центральному телеканалу.

– Чтобы быстрее прийти к нашей общей цели, мы должны действовать сообща. Разумеется, под моим безграничным правлением и присмотром. Эта казнь служит для вас уроком: слово Короля – закон. Слово Парламента – ничего не стоит. Эта девушка... – Он указал на меня рукой, и она даже не дрогнула. Мой палач встал в боевую позу – дуло пистолета он направил мне прямо в голову. Чтоб наверняка. – Чужестранка. В ее природе – не подчиняться моим приказам, не слушаться. Я не стал бы казнить никого из вас – вы мой народ. Но... До тех пор, пока один из вас не ослушается. Если я замечу хоть один заговор, который плетется за моей спиной, погибнут все его участники, все свидетели и

приближенные.

Я ожидала недовольного гомона из голосов, но, к моему удивлению, эти сумасшедшие люди только закивали, глядя на своего принца. Они в своем уме?! Или он их всех загнипотизировали?

– *Sordida Puella*, – его ледяной голос обратился ко мне, – твое последнее слово.

– Стори в аду, – сплюнула в его сторону я, гордо вздергивая подбородок. Я была прикована к стене железными кольцами, а Брэндан смотрел на меня взглядом, который способен расплавить металл.

Я снова отвела свой взгляд.

Я не могу вынести тяжесть его глаз. Слишком противоречивые чувства они во мне вызывают, даже те, в которых и перед смертью стыдно признаться.

Но вскоре и они закончатся. Я в последний раз вдохнула полной грудью, вспоминая шум морского прибоя.

– Хорошо. Тогда, Дуэйт, можешь начин... – Брэндан не успел закончить, потому что над площадью раздался истошный, истеричный крик.

– Нет, Брэд! – Рука Меридианы легла на плечо Брэндана. – Не делай этого.

Я не сразу поняла, что происходит, но капризная принцесса только что вступилась за мою жизнь. Что ж, она только усилила его удовольствие вдвое.

– Мэри. Молчать, – отрывисто произнес он, но палач, тем

временем, все равно застыл на месте. – Исполняй.

– НЕТ! – твердо возразила Мэри, глядя на палача, который начал метаться между двумя монархами. – До твоей коронации я здесь отдаю приказы, Брэндан. С меня хватит убийств без причины.

Девушка почти плакала, вложив в свои слова такую боль, которая была мне не знакома. Кто бы мог подумать, что она так чувствительна...

На миг я задумалась о том, где сейчас их родители. Принц. Принцесса. Где же вся их огромная династия, которая должна править страной?

Она потеряла их. Как и Брэндан – да только он свои чувства скрывал так, будто вообще не являлся их ребенком.

– Стреляй! – не выдержал он, став мрачнее тучи. У меня перехватило дыхание – моя судьба решалась сейчас, в этот самый миг. О Боже, как же я была благодарна своему хитрому уму, который подсказал мне прикрыть принцессу перед Брэнданом и Джейсом тогда. Вида благодарности она не подала, но сейчас...

Меридиана явно не любит оставаться в долгу. Особенно перед мертвецами.

– Я запрещаю, Дуэйт. Ты свободен. – Вложив всю свою силу в нежный голос, она обратилась к моему палачу. Поклонившись Брэндану, он сложил оружие и покинул постамент, на котором я стояла.

Я выдохнула – больше с интересом, чем с облегчением.

– Ты все испортила, Мэри... Ты – женщина. Ты вообще не имеешь никаких прав.

– Знаю. – Она посмотрела на брата с болью в глазах. – Брэндан, неужели ты правда хочешь этого? Убивать просто так? Адинбург сделал с тобой это...

– Это сделал не Адинбург. Это сделали со мной вы. – Брэндан помолчал, окинув меня снисходительным взглядом. Потом он покинул ложе, скрывшись за толпой из приближенных, а я обрела... *Свободу?*

– Взять ее, – скомандовала Мэри, снова натягивая на себя маску безупречной стервы. – Дальнейшие указания насчет нее отдам главнокомандующему.

Мэри скрылась вслед за принцем, да и народ на площади начал с облегчением расходиться.

– Ты родилась в рубашке, чужая, – пробормотал мне один офицер, когда грубо схватил меня для дальнейшей доставки во дворец.

В этом я очень сомневалась – теперь меня ждет темница, а это то, откуда я хотела убежать любым способом. Даже таким.

Но это было ничто, по сравнению с гневом Брэндана, который увеличился в сотни раз. Теперь я была не только бунтующей пленницей, но и причиной, по которой он у всех на глазах подорвал свою власть и авторитет.

Можно сказать, я нанесла ему удар ниже пояса... Как жаль, что он не может быть смертельным.

Оказавшись в прохладе замка, я с тоской посмотрела в сторону темницы, в которой вскоре окажусь. Но четверо офицеров повели меня в совершенно противоположную сторону, заставляя окончательно потеряться в пространстве.

– Новый указ насчет вас, леди, – просто сказал он, прежде чем я опешила.

Меня привели в купальню в абсолютной тишине. Закрыли с внешней стороны дверь, произнеся лишь одну фразу:

– Вам велено помыться. Ограничений по времени нет. – Потом один из офицеров слегка поклонился мне, от чего голова окончательно пошла кругом.

Это, должно быть, шутка. Может, офицеры боятся того, что я, как и в случае с Гилбертом, добьюсь изувечивания их тел, и решили позволить мне хорошенько помыться перед заточением в подвале на всю жизнь?

Немыслимо.

Я осторожно подошла к чугунной ванне, раздевшись догола. Красный бархат упал у моих ног, я перешагнула через самодельное платье. Опустившись в ванну, намылила свое побитое, покрытое синяками от рук офицеров, тело.

Я не могла перестать озираться по сторонам – каждую секунду мне казалось, что за мной подглядывают. Или же кто —то вот-вот зайдет. Очередной «Гилберт» с наклонностями насильника. А может, и Брэндан решил со мной поразвлечься и убить голыми руками...

Я встряхнула головой, растрепав мокрые локоны. Нет. Я не должна даже думать об этом.

Уж лучше в объятия Гилберта, чем снова оказаться в одной комнате с настоящим Демоном. Брэндан... Был слишком непредсказуем и силен.

Когда я услышала, как скрипнула дверь, у меня чуть сердце не остановилось. На пороге оказалась служанка зрелого возраста с чем-то объемным в руках.

– Простите, леди, – произнесла она виноватым тоном. – Велено доставить вам новую одежду.

И так же быстро, как и появилась, она исчезла.

Я брызнула себе в лицо холодной водой и принялась кусать собственное плечо. Это какой-то дурной сон, лимб, полный надежд, и игра моего разума... Я не могу быть спасена таким образом, и все эти почести... Голова шла кругом от загадок, тайн и всех этих дворцовых переворотов.

Смены настроения у правителей.

Хорошенько помывшись, я натянула на себя нижнее белье и замерла над потрясающим платьем, красивее которого никогда не носила прежде.

Оно было довольно простым, и все же, ткань – мягкая, похожая на бархат – дорогая. Платье цвета морской волны полностью облегалo верхнюю часть моего туловища – даже обхватывало горло, натягивалось на груди... От бедер оно было уже свободнее и щекотало мне щиколотки своим подолом.

Длинные рукава достигали середины пальцев. Немного не по размеру. Но я была слишком счастлива, чтобы жаловаться – теперь каждый сантиметр моего тела прикрыт и не вызовет желания у особо сексуально-активных офицеров.

– Вас ждут в комнате красоты, – объявил мне вновь офицер, поведя за собой вглубь коридоров. Я уже ничему не удивлялась. Наручники с меня сняли, да и бежать мне было некуда.

Следующие два часа творилось невероятное. Как только я вошла в комнату, всю заставленную зеркалами и туалетными столиками с множеством косметических баночек, меня усадили в кресло.

– Не переживайте, длину убирать не буду, – зачем-то предупредил мастер, расчесывая мои волосы. – Джованни, – представился он, на что я ничего не ответила.

Отражение в зеркале меня не радовало, даже после принятого душа. Гаспар часто говорил мне комплименты, но, честно говоря, я мало что красивого находила в бледной, как у Альбиноса, коже с вечно проявляющимся румянцем на щеках. И в каштановых волосах до пояса тоже – во Франции длинные волосы уже давно были дурным тоном, но, поскольку я была далека от моды, меня это не касалось. Очень часто девушки красили их в неестественные цвета, носили модные стрижки длиной до плеч. Самая знаменитая модель нашего времени обладала именно такой.

Не видела я красоты и в своей худобе, да и черты лица

у меня были детскими – мне с трудом давали шестнадцать лет, и когда я покупала алкоголь для своего приемного отца, вечно просили паспорт.

Паспорт. Удостоверение моей личности. Теперь же у меня нет личности, меня так давно никто не называл по имени, что, боюсь, я его действительно забуду.

Разве что глаза мне нравились – большие, карие. За такими очень удобно скрывать свои эмоции и изображать равнодушие. Хотя, у Брэндана это и с синими неплохо получается...

– Осталось привести в порядок ногти. – Джованни крутился вокруг меня, как заведенный. А я все задавалась вопросом: почему? Меня хотят нарядить, как куклу, и отправить на «съедение» Брэндану?

Он поколдовал над моими синяками на лице, сделал брови более выразительными. Губы покрыл малиновым блеском, превращая в какую—то дешевую куртизанку.

Лучше я не стала. Но Джованни думал иначе:

– Ты и так неплохо выглядела, но в моих руках любая милая девушка становится настоящей Богиней, – причитал он, нанося на меня последние штрихи: румяна и пудру.

В этом месте все немного сумасшедшие.

Офицеры подошли ко мне сразу, как только Джованни со мной закончил. Я кивнула ему, поблагодарив, и он расцвел в добродушной улыбке... Странно все это.

Я попыталась уловить в этой улыбке сочувствие или зло-

радство, но не смогла. Только искренняя радость и даже симпатия в мою сторону.

– Куда вы меня ведете? – не выдержав, поинтересовалась я, минуя очередные этажи и коридоры. В этой части замок был одинаковым везде. Ковер, дорогие убранства, лепнина на стенах, картины в драгоценных рамках. Осмотреть каждый уголок было бы интересно, но не позволительно.

– К принцессе Меридиане. – Ответ меня удивил, потому что я думала, что меня отведут к Брэндану. Но, видимо, принц не желал видеть «грязную девку», которая подпортила его репутацию. До тех пор, пока не разозлится и не пережест мне горло самостоятельно.

Я вошла в покои Мэри, стараясь не разглядывать ее комнату. Холодность и равнодушие – мое кредо – ко всему, что здесь происходит. Даже к такой перемене в поведении моих похитителей.

– Верните меня домой, – с порога заявляю я, глядя в глаза принцессы. – Коли оставили в живых. Казнь была наилучшим исходом для меня. Плен – это не мое.

Принцесса посмотрела на меня с интересом, взмахнув копной рыжих волос. До чего она была необычной. Грация, осанка, каждое ее движение напоминали мне о фантастических эльфах.

– Я не могу. Ты не покинешь стен замка до конца своей жизни. Брэндан не позволит того, чтобы пленница сбежала.

– Как я поняла, приказы здесь отдаешь ты.

– Это был единичный случай. Если я разозлю брата... – Она судорожно втянула воздух, отводя взгляд. – ...Он не даст мне потом нормальной жизни. Я...

– Боишься.

– А ты, как я вижу, нет. Что ж, это ненадолго. – Ага, знала бы, насколько она не права. Я очень его боюсь. Именно поэтому предпочла казнь, чем жизнь с ним под одной крышей.

– Что он может со мной сделать? Я от души попросила о казни, пыток я могу избежать, раскроив себе череп о любую стену в вашем... Доме. Да и, к тому же, зачем я вам? – Слова сами лились – я и не знала, что могу так правдоподобно врать. Раскроить себе череп? Не думаю, что действительно решилась бы на это. Но делать вид, что я ничего не боюсь, мне нравилось.

В глазах принцессы отразился ужас, и я тут же поняла, что она слишком чувствительна, чтобы слышать о таком и представлять вид крови.

– Ты... Странная, – заключила она, сцепив пальцы на своем животе, явно занервничав. – Я не знаю, зачем Брэндану пленницы. Ну, в том, что он считает вас своей собственностью, ты можешь не сомневаться.

– И что же теперь будет со мной? Как я понимаю, вы ждете от меня благодарности? За спасение, за платье, за хорошее обращение? – Я не могла сдерживать гнев, накопившийся в груди. – Не дождетесь. После того, как моя кожа терпела удары, после того, как ко мне приставал этот мерзкий офицер...

– Он понес наказание. Брэндан не любит, когда трогают его игрушки.

– Чт...

– Молчать. – Она повела рукой так, будто я ее утомила, – меня удивило то, что ты тогда прикрыла меня перед Брэнданом. Я чувствовала себя обязанной, а я ненавижу это чувство. К тому же, верность моих фрейлин оставляет желать лучшего. Иногда мне кажется, что они способны только на зависть и обсуждать богатых мужчин, с которыми я должна их познакомить. В тебе я вижу другого человека. Поэтому... Хочет этого Брэндан или нет, но я сделаю тебя своей фрейлиной. Так я не нарушу его правил – оставлю тебя во дворце, но избавлю от мучений и полного лишения свободы. И, да, тебе стоит быть мне благодарной. И научиться кланяться, когда видишь меня, Брэндана или других лиц, которые выше тебя рангом.

Я погасила одолевшее меня возмущение, пытаюсь включить голос разума. Сейчас я не в том положении, чтобы торговаться. К тому же, оставшись в таком качестве рядом с принцессой, я смогу узнать больше тайн и ответов на вопросы, которые начинали меня мучить.

Я ненавидела себя за любопытство – эта черта характера никогда не доводила меня до добра. Однажды, исследуя окрестности фермы, я зашла слишком далеко и упала в охотничий овраг три метра глубиной и чуть не сломала ногу. Два года спустя побежала купаться в море во время шторма, ре-

шив испытать новые эмоции. Тогда я была уверена, что смогу справиться со стихией, но уже на третьей волне море чуть ли не забрало мою жизнь. Тогда все закончилось хорошо – я ухватилась за трос, который кинули мне с берега, и выбралась.

Тем не менее, любопытство и тяга к новым ощущениям всегда заканчивались для меня плохо. Одно из главных подтверждений этому – это отсутствие моих воспоминаний о детстве, о таком большом куске собственной жизни. Не удивлюсь, что я и тогда ударилась головой из любопытства: очевидно, проверяла, насколько прочен мой череп и выдержит ли он удар о железные рельсы на какой-нибудь из городских станций.

– Я могу гулять везде, где захочу? В пределах замка? И выходить в сад? – уточнила я, прежде чем перейти на дружелюбный тон.

– Нет. Выходить в сад ты не можешь. Но... В пределах замка – пожалуйста.

– Я не совсем понимаю, что значит «фрейлина». Моя задача состоит в том, чтобы прикрывать твои любовные утехы перед братом-психом?

Принцесса вновь изменилась в лице. Кажется, она еле сдерживалась, чтобы не казнить меня собственноручно. И, в то же время... Она этого не делала. Может, потому, что я четко и ясно дала ей понять, что не боюсь смерти.

– Будешь помогать мне, когда это требуется. Хотя, толку

от тебя мало. Наверняка, ты не образована и не очень умна. Но это ничего. Для меня важна твоя честность. Возможно, когда я рассмотрю тебя поближе, у меня появится для тебя одно дело... Но, пока, об этом забудь. И... – Мэри не успела договорить, потому что дверь в комнату с грохотом распахнулась. Брэндан стоял на ее пороге, вновь вернув себе нормальный вид, сняв с себя этот жуткий пафосный красный плащ.

В своей черной рубашке и брюках он создавал у меня впечатление типичного офисного работника, но это только до тех пор, пока я не подняла глаз на его лицо, переполненное эмоциями ярости.

– Меридиана, какого черта? Пошла вон отсюда!

Я развернулась к двери, мечтая скрыться с его глаз и не попасть под горячую руку.

– Не ты! – Остановил меня Брэндан, переводя взгляд на сестру. – Вон отсюда, я с тобой позже разберусь. Если понадобится, я вырежу их всех, чтобы узнать, кто он, если ты еще раз выкинешь что-нибудь подобное.

От его слов меня затошнило. От этой жестокости, от легкости, с которой он готов был распрощаться с человеческой жизнью.

– Брэндан... Ты себя не слышишь, – покачала головой она, глядя на него со злостью и тоской одновременно.

– Вон. – Все внимание Брэндана теперь было обращено на меня. Мэри вышла из комнаты, и, если честно, я ей зави-

довала.

После ее ухода в помещении воцарилась тишина. Я опустила голову, разглядывая длинные рукава своего платья. Брэндан рассматривал меня, не крича, не торопясь, и в абсолютной тишине.

– Что ж, – вдруг почти дружелюбно, относительно того, что было раньше, заговорил он. – Тебе повезло, что для меня нет никого роднее и ближе сестры. Если она решила сохранить тебе жизнь и даже сделать тебя частью своей свиты – мне плевать.

Эти его выражения, делавшие его речь грубой и неотесанной, иногда говорили о многом. Да, Брэд говорил на нескольких языках, но... Его манеры явно говорили о том, что он не всегда рос на троне и был окутан всеобщим вниманием.

– Какая честь, – с сарказмом выдавила я, не глядя на Брэда.

– Если бы ты была хорошенькой, я бы даже использовал тебя для своих целей, но, увы. Моей фавориткой тебе не стать, – продолжал он, и его слова звучали как вызов. В каждом звуке его голоса я слышала отчетливый сигнал о том, что он хочет меня позлить.

И ему это удалось.

– Слава Богам. Рядом с вами даже Золотозубый насильник показался мне не таким уж плохим вариантом, – парировала я, мгновенно услышав звук его шагов в мою сторону.

– Поосторожней с желаниями, *sordida puella*. Иначе, они

сбудутся, – прохрипел он, хватая меня за подбородок. – И смотри в глаза, когда разговариваешь с Королем.

Хватка Брэндана была болезненной, жесткой. Я не сомневалась в том, что он может сломать мне челюсть и даже не заметить этого. Однако, подбородок я вздернула и заглянула в туман его глаз.

Никаких признаков человечности я там не увидела, несмотря на то, что, судя по его словам, к сестре он питал какие-то теплые чувства...

Я решила не отвечать на его заявление про Короля. Мне все равно – пусть, хоть Император, лишь бы убрал от меня руки, лишь бы не смотрел так, что забываешь о том, как дышать.

– Имя! – рявкнул он, не выдержав моего молчания.

– Его Высочество Брэндан, – продолжала издеваться я, прекрасно понимая, что он требовал мое имя.

– Не зли меня, чужая. Назови свое... – Он резко втянул воздух в легкие. – ...Имя. Если солжешь – накажу.

– Что сделаешь? Отрубишь что-нибудь, проткнешь шпагой или казнишь? – Я пыталась смеяться, но страх разрастался во мне с новой силой.

– Хуже, – глубоким голосом отозвался Брэндан, глаза его сверкнули... Чем-то новым для меня.

Я не знала, как назвать это одним словом. Это было похоже на желание, голод. Желание унижить, раздавить, помучить свою жертву, прежде чем сожрать ее до последней косточки.

К горлу вновь подступила тошнота, а моя ненависть к этому психу становилась только сильнее.

Но, проклятое любопытство! Оно было сильнее ненависти. Я хотела знать о Брэндане все, хотела знать, зачем ему девушки; я хотела найти хоть какое—то оправдание его психически-нездоровым поступкам и тому, что он делает с собой и нашими странами...

Вдруг его большой палец медленно заскользил по моему подбородку. Он гладил меня как жертву перед удушением. Гипнотизировал, чтобы я потеряла бдительность и попалась в его умело расставленный капкан.

– Меня от вас тошнит, – мое тело забилося от мелкой дрожи, но это было не отвращение. Возможно, всплеск адреналина.

От напряжения он заиграл скулами, а его губы вновь вытянулись в тонкую линию. Брэндан нахмурил брови, позволяя шраму над глазом стать заметнее, и окутал меня своей энергией, которая сбивала с ног.

Дьявол был так близко. Он будто наступил мне на горло, перекрывая кислород, но я держалась.

Я понятия не имела, что он сделает в следующую секунду. Губы Брэндана были в сантиметре от моего подбородка, он склонил голову с высоты своего роста.

Никаких движений как у хищника перед нападением, полнейшее оцепенение всего тела. Затем рука принца опустилась на мою шею, будто бы считая пульс. Сто тридцать уда-

ров сердца в минуту, не меньше.

Брэндан приоткрыл губы, вырисовывая ртом линию над моей щекой. Медленно, не касаясь кожи. Это был первый момент, когда я действительно была готова пролить слезы.

Он не поцелует меня, нет. Мысль о том, что поцелуй этого мужчины может мне понравиться, повергала в ужас.

Я не могла кричать, неистово отбиваясь. Не могла вымолвить и слова, потому что боялась, что он тут же заткнет мой рот.

Я могла разглядеть каждую пору на его коже, каждый изъяс, шрам и маленькую родинку во внешнем уголке глаза.

Невольно вспомнились нежность и забота Гаспара – он никогда не мучал меня неизвестностью. Он не вызвал во мне страха или бури других чувств. Если он хотел меня целовать – он говорил об этом, и я позволяла.

А Брэндан...

– Ничего особенного, – он поморщился, резко отстраняясь. – Очередная запуганная кукла. Твой пульс тебя выдал.

Черт возьми, с чего я решила, что он собирается меня целовать?! Как только Брэндан отстранился, разум вернулся ко мне, и это отрезвило.

– И все же, ты должна сказать свое имя. Если, конечно, не хочешь, чтобы я отдал тебя кому-нибудь из приближенных. Ты, конечно, – он оглядел меня с ног до головы, – своеобразная, но им, знаешь, все равно, кто будет их ублажать.

Я не понимала, к чему он все это говорит, чего хочет до-

биться? Что творилось в голове у этого подонка – непонятно.

Наконец, Брэндан убрал руку с моего пульса, и я задышала чаще – жадно, насыщаясь воздухом. На секунду показалось, что его взгляд замер на моей резко вздымающейся груди.

– Вы забрали у меня все. Мое имя останется со мной.

– Хорошо, очевидно, тебе нравится, когда тебя называют грязной девкой. *Sordida puella*. Мы называем так всех иностранок.

– Для человека, который называет меня грязной девушкой, вы слишком долго разговариваете со мной... – Я прокашлялась, вскидывая бровь. – Ваше Высочество.

А потом я слегка поклонилась ему, мечтая уйти быстро – так, чтобы последнее слово осталось за мной. И пока он стоял, обдумывая мой словесный выпад, я так и сделала.

Я знала, что Брэндан не остановит меня и больше не будет преследовать. Если повезет, я все время буду скрываться в замке, держась подальше от него и от чувств, которые он во мне вызывал.

Полная противоречивость. Когда даже внутреннее «я» не понимаешь, потому что при одном взгляде на Брэда оно кричит от страха.

Да только что-то мне подсказывало, что все будет тщетно, так как если принц захочет меня найти – он найдет. Оставалась только надежда на то, что не в его интересах уделять внимание грязной, по его мнению, дурнушке.

Вот и хорошо. Нужно будет попросить Джованни не накладывать мне макияж и располнить, наконец-таки, на дворцовой еде, которую я собиралась немедленно отведать.

Глава 6

Кенна

Мне выделили комнату – маленькую, но чистую и уютную. Больше всего радовало, что я могла закрыться на замок изнутри – так я чувствовала себя более защищенной, особенно по ночам, когда мысли о побеге съедали заживо.

Мнимая «свобода» была неплохой альтернативой темнице, но все же иллюзорной – моя комната находилась на первом этаже, а на окнах стояла прочная решетка. За неимением лучшего расклада событий, я радовалась хотя бы этому – все оттенки погоды и вид на красивый сад служили отдушиной. Как и удобства в комнате: высокая кровать с упругим матрасом, книжный шкаф с серией книг на английском языке и телевизор, который, правда, не работал.

Моя комната находилась в крыле, где располагались покои Меридианы и других ее фрейлин. Здесь также было несколько комнат для ее прислуги, и моя находилась как раз на границе с крылом, отведенным для горничных.

Вот и была я неизвестно кем – то ли прислугой, то ли частью свиты, то ли пленницей.

После долгих лет жизни на ферме, когда никому до меня не было дела, и я могла идти куда угодно, такая жизнь обернулась для меня петлей на шее, и не хватало только Брэнда, который с удовольствием бы затянул ее до упора.

К счастью, с «Его Высочеством Зла» я не встречалась око-

ло двух недель – лишь изредка видела его в саду через окно и в коридорах замка. Первый раз – в сопровождении советника Джейсона и других с виду важных личностей в официальных костюмах, второй раз – в окружении девушек, которые заливались смехом.

Представить не могу, что вызвало у них улыбку и даже смех – разве что Брэндон хорошо накачал их наркотиками или алкоголем. Очевидно, это были те самые фаворитки, с которыми он справлял свои плотские нужды.

Значит пленницы нужны были ему не для этого. То, что он не сексуально озабоченный маньяк и не торговец женскими телами должно меня радовать...

Мэри была со мной довольно молчалива – девушка только и умела, что отдавать приказы, которые я решила выполнять без вопросов. К счастью, ее поручения сводились к какой-нибудь глупости – помочь застегнуть платье, заправить постель, протереть пыль в ее комнате... Две фрейлины Мэри всегда были при ней, и они часто ходили на прогулки в сад вместе или в город. Я же была здесь никем и не была наделена такими привилегиями и не могла понять, зачем Мэри спасла меня, если даже не нуждалась в этом.

Очевидно, просто для того чтобы сохранить мою жизнь. И в глубине души, я была ей благодарна. Потому что мне нравилось изучать замок, я мечтала ненароком натолкнуться на что-нибудь, что подсказало мне бы ответы на все вопросы, узнать историю этой семьи и, в конце концов, даже найти

какой-нибудь компромат на Королевскую династию, чтобы использовать информацию как шантаж.

Взамен на свободу. Или, возможно, даже на прекращение войны.

Только все эти мысли были больше похожи на мечты наивной девочки – я знала, что этому не бывать. Я – песчинка, тень, затерянная в коридорах замка. И моя жизнь, и свобода теперь только в руках Брэндана, который меня игнорировал.

Однажды, бродя по закоулкам северного крыла замка, я попала в зал, стены которого завешаны картинами. На меня смотрели сразу десятки лиц – строгих, волевых, излучающих власть. Думаю, здесь были изображены все члены династии Виндзоров, потому что в углу каждого портрета я находила подпись, оповещавшую том, чье лицо было изображено на холсте.

На центральной стене висела большая картина с людьми, изображенными во весь рост. Она притягивала, манила меня, потому что на ней я сразу увидела нечто знакомое – синие глаза, которые даже на бумаге выглядели живыми и загадочными.

И все же художнику не удалось передать сущность маленького Брэндана (на вид, на холсте ему около десяти-двенадцати лет), и черты лица были мягкими, а полуулыбка совершенно не напоминала дьявольскую.

Передо мной был милый мальчик, на плече которого лежала рука матери. Пальцы женщины слегка сжались на его

парадной форме, будто она держалась за самое ценное, что есть в ее жизни. Королева. Красивая женщина. Меридиана – ее копия.

По левую руку от Королевы стояли двое мужчин очень похожие друг на друга – Король Джонатан, как я догадалась... И брат Мэри и Брэндона.

Это был портрет семьи, а не просто первых лиц Государства. Но я списала это на вольность и фантазию художника – мне почему—то казалось, что Брэндан был «с бесовщиной» внутри с рождения. Ну не мог он из этого синеглазого ангела превратиться в убийцу, тем более с такой—то любящей матерью.

Мне всегда казалось, что люди становятся жестокими от недостатка любви, а, судя по этой картине, у них разногласий в семье не было – конечно, художник мог приукрасить реальность, но если я склонна ему верить...

Я знала, что все они – кроме Мэри и Брэда – мертвы, и убили Королевскую семью при загадочных обстоятельствах. Конечно, может, это нанесло травму ребенку, но ведь за Мэри я не наблюдала склонности к хаосу и пролитию крови.

Рукой я дотянулась до картины, не в силах сдержать желания прикоснуться – моя рука легла на ногу маленького Брэндана, и я еще раз заглянула в его глаза.

Почему ты причиняешь сотням людей столько боли?

Я подпрыгнула от звука голосов, которые слышались из коридора, и судорожно огляделась в поисках укрытия. Я

не хотела показываться никому на глаза, потому что знала, что вышла за пределы своего крыла, и побежала к длинной шторе, массивными воланами свисавшей с высокого потолка. Как только я укрылась за тканью, голоса стали еще громче, пока, наконец, не раздались в этом зале.

– Несколько деревушек на границе Германии и Франции уничтожены, Ваше Высочество. Сопrotивляющиеся – убиты, сдавшиеся – взяты на работы. Несколько пленниц, подходящих по возрасту, доставлены в темницу.

– Есть что-нибудь особенное? Вы их проверяли? – скучающим тоном отозвался Брэндан на голос Джейсона. С ними были еще пара молодых людей – очевидно, самые доверенные лица; возможно, ответственные за военные действия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.